

ЭММАНУИЛ ЕНЧМЕН

ТЕОРИЯ
НОВОЙ БИОЛОГИИ
И
МАРКСИЗМ

ВЫПУСК ПЕРВЫЙ
ИЗДАНИЕ ВТОРОЕ

ПЕТЕРБУРГ.
1923.

***Пролетарии всех стран,
соединяйтесь!***

ЭММАНУИЛ ЕНЧМЕН.

ТЕОРИЯ
НОВОЙ БИОЛОГИИ
И
МАРКСИЗМ.

ВЫПУСК ПЕРВЫЙ.
Издание второе.

Издательство Политпросвета Студнома
Рабфака П. Г. У. „ВУЛКАН“.

Петербург. 1923.

Набор и печатание книги выполнены
вечерними и ночными работами сту-
дентов Рабфака Петроградского Госу-
дарственного Университета.

От издательства.

Издание первое книги Э. Енчмена „Теория Новой Биологии и Марксизм“ в несколько недель полностью разошлось в Москве, не успев проникнуть в провинцию.

Все растущий спрос на книгу делает своевременным её переиздание.

2-ое издание, проредактированное автором, выходит в свет без существенных изменений.

*Издательство Полит-просвета
Студкома Рабфака П. Г. У.
„Вулкан“.*

27/III—1923 г.

О Т А В Т О Р А.

Только недавно, после очень продолжительной болезни, мне удалось снова вернуться к систематической работе над приведением в порядок разрозненных и незаконченных рукописей „Теории новой биологии“. Мне удалось, при этом, в короткий трехнедельный срок почти совершенно заново написать предлагаемую здесь 1-ую главу, которую, по справедливости, можно было бы считать “Введением” к дальнейшему изложению. Это дает мне надежду на то, что, после небольшой передышки, мне не понадобится много времени, чтобы подготовить к печати следующие три главы, которые должны войти во 2-ой выпуск.

Одно обстоятельство я хотел бы особо оговорить здесь.

Самые решительные противники точки зрения, на которой я стою, тем не менее, много раз подчеркивали крайнее своеобразие подхода теории новой биологии к основным вопросам всякой философской теории, к вопросам: о материи и о духе, о материализме, идеализме и психологии, о дуализме и монизме, о существовании, о количестве и качестве и т. д. В столкновении с железной мощью современных реакционных традиций в этих вопросах, со всюду торжествующей в этих вопросах давящей окаменевшей авторитарностью, я напряженно искал и для себя хотя бы какой-нибудь авторитарности, на которую, в свою очередь, и я сам мог бы опереться в борьбе с этими традициями; однако я нигде не находил того, что искал.

Вместе с тем опыт пропаганды этих новых воззрений уже давно научил меня считаться с тем, что всякая аудитория слушает лучше, когда то, что сообщается ей, подкрепляется некоторой долей авторитарности.

Именно это заставило меня, обращаясь к аудитории, меньше всего зараженной авторитарностью, к передовым революционным рабочим, использовать в реальной и ожесточенной борьбе с моими противниками, которые потом выступят перед этой аудиторией, сообщения, делаемые в тексте от имени Читателя или „буржуа-агностика“, о моем образовательном прошлом и о других выгодных для меня биографических моментах. Я делал это с величайшей грустью и только потому, что искал в этом хоть что-нибудь „авторитарное“ для моих слушателей: в реальной обстановке ожесточенной борьбы неизбежно победоносных новых воззрений с традициями я принужден был использовать для моих революционных слушателей эти крохи „авторитарности“.

Тем не менее, многолетние навыки условностей говорят сильно, и мне трудно до поры до времени отделаться от горечи по поводу того, что мне пришлось прибегать к этому: очень неприятно быть принужденным в борьбе выдвигать вперед свои достоинства и умалчивать о своих недостатках, которых, конечно, всегда гораздо больше.

Делая эту оговорку со всей искренностью, я общаю, что при развитии дискуссии я больше не вернусь к этой теме: пусть тот, кто не сможет торжествовать лучших побед, оказавшись бессильным в теоретической борьбе, утешается такой занятой игрой в бирюльки. Передовые рабочие, полные пролетарской серьезности, ознакомившись с этой моей оговоркой, еще лучше освоятся со всей обстановкой, в которой разворачивается наша борьба.

Г Л А В А I.

Первый „великий“, „вечный“ дуализм: пространственного и непространственного.

Перед читателем движутся вещи: перемещаются в пространстве капли дождя, движутся облака на небе, движутся люди, животные, двигаясь, цветы обращают к солнцу свои лепестки, движутся листья травы. Все движется вокруг читателя; движется и он сам.

Говоря по поводу людей, окружающих его, что они „движутся“, читатель этим словом („движутся“) обычно привык обозначать только очень малую часть движений происходящих в человеке: его ходьбу, взмахи руками, покачивания всего тела. Это неверно: решительно все то, что читатель наблюдает в окружающих его людях—это движения и только движения.

К читателю „подходит“ человек; он „улыбается“ ему; он крепко „жмет ему руку“; „вздохнув“, он „рассказывает“ читателю, все время радостно „улыбаясь“, как сегодня, „расположившись“ на поляне в лесу, среди цветов, другие люди „решали“ вопрос о постройке школы.

Пусть читатель как следует „задумается“ нам тем, что происходит в „подошедшем“ к нему человеке,—точнее,—что читатель наблюдает или может наблюдать в „подошедшем“ к нему человеке. Этот человек „подошел“; „ходьба“—это движение,—движение нижних конечностей, т. е. ног,—раскачивание всего тела; благодаря этому раскачиванию, тело подошедшего человека, сохраняя равновесие, не упало при ходьбе. Человек „улыбался“: его „улыбка“—это движения—движения

мускулов его лица, связанные с движениями некоторых частей его головного и спинного мозга. Человек „вздохнул“; его „вздохи“—это тоже движения,—движения некоторых мышц его лица, движения мышц его живота и груди, движения мышцы сердца (пульс), толкнувшего сильнее кровь в его легкие и, по главным сосудам, потоками по всему телу. Человек „рассказывает“ читателю о том, что происходило сегодня в лесу на поляне; что это значит,—„рассказывает“? тоже движения? Ну конечно: „речь“ человека—это тоже движения и только движения: движения мышц его лица, мышц языка, мышц полости рта; движения мышц голосовых связок, расположенных в его гортани; движения мышц его живота, подталкивающих воздух из легких вон—наружу, на голосовые связки; сложные, связанные с остальными, движения различных частей мозговых тканей в различных областях его головного мозга, спинного мозга.

Читатель все это „наблюдает“ в подошедшем человеке. Что это значит—„читатель наблюдает“? „Наблюдать“ значит производить движения—и *ничего более*. Итак читатель, в то время, как подошедший к нему человек производит ряд разнообразных, частью перечисленных выше, движений,—„наблюдает“ эти движения, т. е. *тоже движется*. Всякое движение всегда имеет свои причины; „причинами“ тех движений, которые происходят в читателе, являются, помимо сложных внутренних движений, непрерывно происходящих в его организме, — те раздражения, — зрительные, звуковые, — которые подошедший человек своими *движениями* посылает читателю: человек подходит—у читателя постепенно сокращаются зрачки глаз; глазные мышцы, сокращаясь, растягиваясь, меняют положение глазных яблок; цветом, цветом лица подошедшего, т. е. тысячи раздражений от тысяч световых лучей, различно отраженных поверхностями одежды или кожного покрова подошедшего, вызывают последовательные движения в некоторых пунктах головного мозга читателя. Когда подошедший говорит, когда он „произносит слова“, — сочетания звуков: „лес“, „школа“, „расположились“, — у читателя, по установившимся ранее связям одних движений всего организма с другими, в некоторых пунктах головного мозга непрерывно вспыхивают движения—как раз те самые, которые возбуждались в нем ранее, давно или недавно, при

непосредственном воздействии на него раздражителей (зрительных, звуковых), исходивших от здания школы, от леса, от поляны в лесу, от людей, сажающихся на траву и т. д.

Читатель весь в движении; человек подошедший к читателю тоже весь в движении. „Наблюдает“ ли читатель в подошедшем к нему человеке что-нибудь еще кроме движений? — Нет. Ровно ничего и никогда ничего кроме движений.

„Но ведь подошедший человек не машина! (движущаяся машина); это „живой“ человек, *следовательно* человек одушевленный, „психичный“! Неужели же я в нем не наблюдаю „души“, или, хотя бы „душевных явлений“?—спросит читатель.

Следует со всей тщательностью, не пропустив ни одной подробности, не оставив в тени, в темноте ни одного обстоятельства, ответить на этот вопрос.

Подошедший к читателю человек действительно „живой“: это видно по тому, что этот человек ходит, улыбается, говорит и т. д.—т. е. движется и движется особым видом движений, которые называются „рефлексами“. Жизнь—это слово означающее вовсе не одушевление, а особый вид движений,—именно движения рефлексами—и *большие ничего*. Движения рефлексами отличаются от остальных видов движений, встречающихся в природе, только своей большей сложностью. На греческом языке слово „биос“ значит: жизнь, а слово „биология“ значит: „учение о жизни“, т. е. „учение о движениях рефлексами“¹⁾. То обстоятельство, что подошедший к читателю человек—„живой“, т. е. движется рефлексами,—ходит, улыбается, говорит—означает ли, что этот человек „не машина“, а „одушевлен“, „психичен“ и т. д.?

Чтобы ответить на этот вопрос, совершенно необходимо, прежде всего, выяснить, что, в конце концов, означают эти так часто употребляющиеся слова: „дух, душа, одушевление, душевные явления, психика, психичность, психические явления“ и т. д. Есть-ли за этими словами действительно какой-нибудь ясный смысл, который следовало бы за ними закрепить, для того, чтобы читатель мог с пользой для дела употреблять их?

¹⁾ Греческое слово „биос“ (*bios*) латинское „вита“ (*vita*), литовское „вивос“ (*vivos*—живой), древне-русское „жива“ (*jiva*—живой) и русское „живой“, „жизнь“—имеют один общий корень.

Есть. Эти слова означают: „непространственные явления“.

Что это такое „непространственные явления“?

Читатель наблюдает в окружающих его людях движения и *только* движения. Читатель наблюдает движения, такие же или похожие движения и в себе. Но наблюдает ли читатель в себе *только* движения?

Пусть читатель разберется подробнее, точнее в том, что он наблюдает, под именем движения, в окружающих его людях и в самом себе: это изменения в пространстве, перемещения в пространстве отдельных частей организмов окружающих его людей или отдельных частей его собственного организма. Все движения *пространственны*, протекают в пространстве, измеримы (метром, аршином, футом). Подошедший к нему человек „вздыхает“, „улыбается“, „жмет ему руку“, „разговаривает“; все это движения, т. е. явления пространственные, явления измеримые: каждое из десятков движений, образующих его „вдох“—измеримо (метром и т. д.); каждое из многих сотен движений, составляющих его „речь“; например, колебание любой голосовой связки, сокращение данной мышцы живота, такое-то движение в его головном мозгу—измеримы (метром и т. д.); каждое сокращение мышцы его пальцев при рукопожатии—измеримо. И так далее. Читатель наблюдает в подошедшем к нему человеке только и только пространственные явления.

Но наблюдает ли читатель в самом себе *только* пространственные явления?

Скорее всего нет. Во всех окружающих читателя вещах—в людях, в животных, в растениях, в минералах, в облаках, в звездах читатель наблюдает *только* пространственные явления. Но в себе самом, помимо пространственных явлений, читатель скорее всего, одновременно, наблюдает и другие явления, явления непространственные. Какие именно? Пишущий эту книгу этого не знает и знать не может. Ведь он, при встрече с читателем, в состоянии наблюдать в нем,— в читателе,—только его пространственные явления; и *только* потому автор допускает, считает возможным, вполне вероятным (см. выше: „скорее всего“), что в читателе или вообще в людях протекают непространственные явления, что в себе самом он наблюдает непространственные явления.

Несколько примеров помогут читателю научиться раз навсегда настолько отдельно, обособленно рассматривать наблюдаемые им непространственные явления, что он, само собой, сразу же отделит их от возможно наблюдаемых им в самом себе непространственных явлений.

Читатель переживает радость. К читателю быстро подходит человек тоже переживающий радость. Теперь больше внимания к происходящему: что наблюдает читатель у подошедшего к нему человека, переживающего радость?— Движения, движения и движения—и больше ничего; быстрые и короткие движения мышц живота и части голосовых связок—т. е. хохот; учащенные сокращения сердечной мышцы,— учащенный пульс; особые сочетания сокращений мускулов лица—„веселая“ мимика; движения мышц живота, груди, голосовых связок, полости рта, многих пунктов головного мозга— в виде „веселой“ речи, радостных восклицаний: „ах, как хорошо!“, „как я рад!“ и т. д. Что наблюдает читатель в самом себе при переживании им радости?—Тоже движения, те же самые, или похожие движения, но скорее всего *не только* движения, а еще кое-что другое.

Читатель наблюдает в себе те же пространственные явления, явления движений, какие он наблюдает в подошедшем к нему человеке, переживающем радость: хохот, учащенный пульс, веселую мимику, радостные восклицания и т. д.; все это наблюдает и в себе и в своем организме читатель. Но, помимо того, читатель, одновременно, возможно, наблюдает в себе еще и другое событие, еще другие явления—а именно: *непространственные* явления радости; никто кроме самого читателя не может наблюдать их в нем.

Известно ли автору, *каким именно* непространственные явления наблюдает читатель в самом себе, во время переживания им радости,—*и может ли он назвать их?* Ну, конечно, автору неизвестны эти явления; автор наблюдал непространственные явления только в самом себе; он никогда не наблюдал их и не сможет наблюдать их ни в одном другом организме, в частности, в организме читателя; а назвать их словами, хотя бы по своему собственному опыту, он *тоже не может*. Почему?

Потому что *непространственные явления ни в одиночку, ни группами не могут иметь названий*. По поводу отдель-

ных непространственных явлений или по поводу групп непространственных явлений *не существует и не может существовать слов.*

„Что это значит?“—спросит читатель.

Для того, чтобы лучше разобраться в этом утверждении, нам придется на время расстаться с обстановкой непрерывного опыта, в которой наше изложение, с первых строк, все время старалось держать читателя. Нам придется заняться *обсуждением* уже полученного опыта. Итак, рассмотрим, правда ли, что *непространственные явления, ни в одиночку, ни группами не могут иметь и не имеют названий, слов?*

В самом деле. Мы уже видели выше, что слова—это движения,—это сочетания, это цепи более сложных, чем встречающиеся в остальной природе, движений. Слова—это цепи движений, свойственных организмам и называющихся рефлексами; мы уже видели, таким образом, что *слова—это цепи органических движений, цепи рефлексов.* Мы видели, далее, что все наблюдавшиеся нами цепи органических движений вызывались (причинным) воздействием пространственных же явлений, т. е., как действием раздражений, протекавших внутри организма, так и действием раздражений, исходивших от других людей или вообще от окружающих организм вещей; в приведенном нами вначале примере тысячи единиц органических движений, тысячи рефлексов вызывались в организме читателя действием тысяч зрительных, звуковых, осязательных и прочих раздражений, исходивших от подошедшего человека:—действием все время различно отражавшихся от него и различно преломлявшихся в среде световых лучей различного числа колебаний; действием различной частоты (звуковых) колебаний воздуха, вызывавшихся его речью; действием раздражений от непосредственного прикосновения его тела (при рукопожатии) и т. д.

Нам с читателем ни разу не удалось заметить, что *хотя бы один рефлекс, хотя бы одно движение в организме читателя было вызвано каким нибудь непространственным явлением, исходившим от подошедшего к нему человека.* Ни разу! Мы на опыте пришли к убеждению, что непространственные явления, если они и протекали в подошедшем человеке (т. е. если подошедший человек и одушевлен), то

совершенно не действовали на читателя: он их не наблюдал в подошедшем. Если мы допустим (а повседневный опыт настаивает на таком допущении), что точно то же самое повторяется всякий раз, когда читатель сталкивается с другими людьми или даже вообще с вещами, — то мы придем к выводу, что *чужие непространственные явления вообще во всех случаях не вызывают никаких изменений, никаких движений в организме читателя.*

Однако, для нас остается неразрешенным вопрос: может быть те непространственные явления, которые, скажем, протекали *в самом читателе*, вызвали в его организме какие-нибудь движения?

Однако, этот вопрос только кажется другим, отличным от только что нами разрешенного. В самом деле: если бы непространственные явления, допустим, протекающие в организмах, вызывали бы в этих организмах какие-нибудь пространственные изменения („движения“), — то такие изменения („движения“) могли бы служить (служили бы) для окружающих людей доказательством того, что в этих организмах протекают непространственные явления; в частности, в описанном случае с читателем, подошедший к нему человек в каких-нибудь движениях читателя получил бы доказательства его одушевления; вместе с тем весь наш огромный повседневный опыт находится в резком противоречии с таким допущением; весь наш огромный повседневный опыт каждую минуту подтверждает нам, что мы никогда, ни в каком чужом организме не встречаем никаких признаков протекания в нем непространственных явлений, не встречаем никаких признаков его одушевления. Таким образом, каждую минуту весь наш огромный повседневный опыт подтверждает нам, что все без исключения пространственные явления, протекающие в организмах, как и все без исключения пространственные явления, протекающие вообще во всех телах, всегда имеют своими причинами *пространственные же явления*, лучше или хуже доступные нам для повседневного наблюдения.

Итак, непространственные явления никогда не вызывают пространственных явлений; все пространственные явления всегда вызываются действием пространственных же явлений.

Как пришли мы к этому выводу?

Мы намеренно с самого начала нашего изложения, которое было посвящено выяснению, казалось бы, труднейшего вопроса: об отношении друг к другу материальных и душевных явлений, — ни разу не отсылали читателя к авторитету какогонибудь „философского“ принципа или какогонибудь научного или естественно-научного закона: нам не потребовалось ни то, ни другое, ни третье. Для того, чтобы притти, как легко удостоверит читатель, к полной ясности в этом действительно вопросе всех вопросов, нам потребовалось лишь следующее: во-первых, настаивать на том, чтобы, до поры до времени, читатель ни разу не вспоминал унаследованную от эксплуататорских тысячелетий обычную пошлую болтовню на эту тему бесчисленных, в частности, современных буржуазных авторов различных историко-философских работ и философских трактатов; (эта пошлая болтовня, как будет подробно исследовано во 2-ой части 1-го тома настоящей работы, проникнув в марксистскую литературу, при содействии сотен, считающихся авторитетными, сочинений по философии марксизма, совершенно скрывает самую главную часть огромного революционного смысла творений Маркса); и во-вторых, нам потребовалось должным образом наталкивать читателя на умелое использование им исключительно одних только данных его повседневного опыта.

Теперь без всяких затруднений мы сможем решить поставленный выше вопрос: *существуют ли слова, названия отдельных непространственных — т. е. психических явлений или отдельных групп непространственных, т. е. психических явлений?*

Нет, *таких слов не существует.* ¶

Слова—это цепи рефлексов, цепи органических движений; но так как непространственные (психические) явления не могут вызывать органических движений, то понятно, что они не могли образовать и слов.

Читатель до сих пор спокойно следил за нашим изложением, но тут он перебивает нас:

„Это становится в высшей степени интересным“,—говорит он нам. „Ваше утверждение, что по поводу отдельных непространственных явлений и по поводу групп непространственных явлений не существует слов, я слышу в первый

раз; по моему, оно *совершенно неслышанно*; и тем не менее я убеждаюсь в том, что это утверждение правильное и что дело обстоит именно так. Я не без волнения должен вам признаться, что уже предвижу, к чему вы ведете: повидимому, вы отрицаете психологию; вы должно быть делаете это, утверждая, что суждений о психических (т. е. о непространственных) явлениях не существует, так как о непространственных явлениях не существует слов; но мало того: вы, повидимому, на том же основании утверждаете, что не существует и так называемых идеалистических и материалистических суждений: ведь в этих суждениях непременно должны находиться слова об отдельных непространственных (психических) явлениях. Я прошу вас разяснить мне все это. Я прошу вас, далее, разяснить мне одно обстоятельство, которое, насколько я понимаю, все таки явно противоречит вашим утверждениям: ведь существуют же все таки *различные названия* непространственных явлений.— например: психика, психические явления, дух, душа, душевные явления, духовные явления, субъективные явления, интроспекция, сознание, мышление, и т. д.; а для отдельных непространственных явлений и для групп непространственных явлений — существуют же слова: ощущение, представление, чувства, воля, и т. д.! Если вы правы, как же вы объясните появление этих „слов о непространственных явлениях“?

Ответим по порядку.

Мы не „отрицаем“ психологию, идеализм или материализм; мы вообще не совсем ясно понимаем, что это значит „отрицать“ психологию, идеализм и проч.; нам кажется, что литературное „отрицание“ часто бывает совсем невинным занятием и именно потому уже давно (см. Э. Е. „18 тезисов о теории новой биологии“) по этому вопросу мы усвоили другую манеру изложения. Мы *показываем*, — значительно ниже — в середине и в конце 1-го тома, — как неизбежно, только с дальнейшим развитием пролетарской революции, революционные рабочие научатся тому, какими средствами следует положить конец этому вековечному обману эксплуататорских классов; мы показываем там, что только в будущем революционные рабочие достаточно подготовятся к тому, чтобы умело, перед глазами всего человечества, совершенно впервые за тысячелетия разоблачить этот обман, который

изобрели и тысячи лет использовывали в корыстных целях эксплуатации бесчисленные идеологические агенты эксплуататорских классов, и полным отсутствием сколько нибудь ясного понимания которого ослаблены теоретики пролетариата. Мы только постепенно, в ряде глав, будем готовить читателя-рабочего к исследованию эксплуататорского происхождения и эксплуататорской сущности как психологии, так и вообще всяких суждений о „душевных явлениях“. Нам следует, поэтому, отклонить на время всякий разговор о психологии, идеализме и материализме, тем более, что, как будет показано в дальнейшем, слова: „психология“, „идеализм“, „материализм“ — это слова, к которым со всей справедливостью следует применить гениально-смелое место из Декарта:... „люди часто пользуются в своих утверждениях непонятными словами, ибо полагают, что некогда понимали их или получили от тех, кто эти слова правильно понимал“ (Рене Декарт. „Основные начала“ § 74).

Перейдем ко второму вопросу читателя: он в высшей степени горячо согласен с тем, что об отдельных непространственных явлениях и о группах непространственных явлений, действительно, совершенно невозможно существование слов. Именно поэтому его особенно изумляет, что „все-таки“ такие слова явным образом существуют и существуют целыми десятками: он перечисляет нам с десяток этих слов и просит по этому поводу разъяснения.

После того, что мы только что говорили „о вековечном эксплуататорском обмане, который, только с дальнейшим развитием пролетарской революции, разоблачат и совершенно уничтожат революционные рабочие“, — нам очень легко несколько иначе и, именно, вернее, следующим образом формулировать этот вопрос читателя:

„почему в течение тысячелетий классового деления общества непременно фигурируют (существуют) десятки слов, которым агенты эксплуататорских классов настойчиво придают значение слов, будто бы означающих непространственные явления или будто бы означающих отдельные группы непространственных явлений?“.

Этот вопрос получает у нас полное, законченное разрешение только значительно позже и именно в 4-ой главе этой книги. Но уже сейчас мы можем показать с очевид-

ностью, что каждое из десятка слов, перечисленных читателем, по своему происхождению и составу, означает исключительно пространственные явления.

Так как мы переходим сейчас к рассмотрению (к „лингвистическому анализу“) каждого из десятка с лишним приведенных читателем слов, то читателю надлежит запастись некоторым терпением, при ознакомлении с этим анализом, который займет у нас несколько страниц.

Слова: „дух“, „душа“, „духовные явления“, „душевные явления“ и т. д. имеют общий корень со словами: „дуть“, „дышать“, „вздых“ и т. д. Может показаться на первый взгляд, что такие названия прикреплены к непространственным явлениям по дикой нелепости, по наивному соображению, будто такие пространственные явления, как дыхание, вздохи,—т. е. движения частей организма,—являются свидетельством протекания в этом организме непространственных явлений; однако, как уже указывалось, в дальнейшем изложении будет показано, что отнюдь не „ошибка“, что отнюдь не „наивность“,—что совершенно другие причины привели к тому, что именно агентурой эксплуататорских классов этим словам приписан смысл обозначения ими непространственных явлений. То же самое „дуть“, „дышать“ обозначают, по своему корню, взятые из греческого языка слова: „психика“, „психические“ явления и т. д. Слово „сознание“ имеет общий корень со словами „знать“, „значек“, т. е. обозначает нанесение пространственных „значков“, „пометок“ на организм пространственными раздражениями; приставка „со“ („сознание“), так же, как приставка „кон“ в латинском слове, обозначающем „сознание“ — „консциенция“ (conscientia)—в слове, перешедшем в английский и все романские языки, п ы т а е т с я говорить о непространственных явлениях, как о недоступных для других „пометках“, о „значках“ внутри („со“) организма. То же самое со словом „интроспекция“—„внутри видимое“, на латинском языке слово „интро“ значит „внутри“, „спектум“—видимое, виденное (физиологическая реакция смотра)—оба слова—пространственные обозначения. Слова „суб’ективные“ и „об’ективные“ явления пытаются обозначать непространственные и пространственные явления следующим образом: на латинском языке слово „инектум“—значит „брошенное“ (пространственное обозначение), а слова

„суб“ и „об“—это пространственные обозначения „под“ и „над“ или „внутри“ и „наружу“; таким образом, „суб’ективные“ и „об’ективные“ явления в переводе значат: „внутриброшенные“ и „наружу-брошенные“ явления; во II-м томе мы подробно рассмотрим, в каком поразительно путанном, невероятно вывороченном, чуждом какой бы то ни было точности, смысле слова „суб’ект“ и „об’ект“ употреблялись в немецкой „классической идеалистической философии“—т. е. в творениях немецких философов Канта, Фихте, Шеллинга, Гегеля, откуда и непосредственно и через Фейербаха эти слова просочились в марксистскую философскую литературу и до сих пор фигурируют (существуют) в ней. Слово „мышление“ имеет общий корень со словами „мышца“, „мускул“, „мышь“—и должно обозначать быстрые, короткие, поспешные движения, характерные для „мышь“ и свойственные тканям нашей нервной системы; толстым пучкам мышечной ткани также свойственны почти такие же быстрые и короткие движения: на латинском языке слово „мускулюс“ (musculus) значит—одновременно „мышца“ и „маленькая мышь“, „мышенок“.

Поразительно, по своему сходству с происхождением русского слова „мышление“, проникшее в английский и все романские языки, латинское слово „когитацио“ (cogitacio), кстати сказать, именно это слово и с переведенных с греческого на романские языки фрагментов (сохранившихся выдержек) из Демокрита и с французских, а затем латинских сочинений Декарта—переводится по-русски словом „мышление“; латинское „когитацио“ имеет общую основу с русским „гнать“, „погоня“, т. е. быстро двигаться, с английским „го“ (to go) ходить (быстро ходить, в отличие от to stroll—гулять), с греческим и латинским „аго“ (ἄγο, ago)—действовать, а также с греческим и латинским „агрос“ и „агер“ (ἄγρος, ager), по-русски „поле“, т. е. место, на котором быстро двигаются, работают над злаками, в отличие от „луга“, на котором, наоборот, не двигаются быстро, не работают, а „лежат“, „ложатся“, „располагаются“ „лагерем“ (корень „лг“, „лж“), на стоянку для пастбы стад. Во II-м томе мы со всей тщательностью исследуем, как на протяжении тысячелетий, агенты эксплуататорских классов, именующиеся теперь „историками философий“, приписав упо-

треблявшимся Демокритом словам „мышление“, „душа“ обычный для эксплуататорской философской литературы смысл слов, обозначающих непространственные явления, подвергли полному извращению революционнейшее учение Демокрита и добились в конце концов такого авторитетного влияния, что даже марксистская литература полностью, без критики, унаследовала такое, извращенное эксплуататорами, понимание Демокрита; таким образом, не только в ранней работе Маркса о Демокрите, но и в современных сообщениях о нем в Марксистской литературе совершенно невозможно узнать истинного, неизвращенного эксплуататорами Демокрита. Но идем дальше. Слово „ощущение“ имеет общий корень со словами „щупать“, „щипать“,— т. е. должно бы обозначать те *движения*, которые происходят в организме, если на него действует какое нибудь прикосновение, т. е. раздражение: прикосновение камня, светового луча, колебания воздуха и т. д. „Представление“—от „ставить перед собой“—т. е. тоже есть пространственное обозначение. Наконец,—„чувство“ имеет общий корень с „чваниться“, т. е. хвалиться, кривляться—и указывает на резкое оживление мимики,—а „воля“ имеет общий корень со словами „владеть“, „овладевать“—и указывает на хватательные движения руками.

Мы ясно видим теперь, что все эти слова, как и всякие вообще слова, ни в коем случае не могут обозначать собою непространственные явления; потому тем сильнее именно теперь возникает у нас с читателем желание узнать, *почему же, почему так настойчиво столетия и тысячелетия идеологическими агентами эксплуататорских классов приписывается этим словам такое отсутствующее у них и невозможное для них качество.*

Нас ждут впереди, в следующих главах, огромные, захватывающие темы. Однако уже сейчас мы с читателем достигли больших результатов, которые трудно не назвать огромными. Мы больше не путаем в вопросе, который совершенно справедливо считается труднейшим из всех вопросов—в вопросе о делении явлений на пространственные (материальные) и непространственные (душевные). Мало того: мы достигли в этом вопросе такой ясности, что, оглядываясь кругом, не только на тертые пятаки вульгарной истории философии, но и изучая немногие, несколько сочи.

нения самых решительных, самых передовых, в частности и современных, революционеров теории, мы все же не находим нигде ничего подобного нашей ясности; и мы знаем, как достигли мы ее: мы сумели не уступить давлению тысячелетнего авторитета слов и обнаружили скрытый под избитыми фразами эксплуататорский обман, благодаря которому оставалось совершенно скрытым, что об отдельных непространственных явлениях и о группах непространственных явлений не может существовать (и не существует) слов. *Это утверждение, правильность которого ясна до очевидности*, мы еще много раз применим в дальнейшем в нашей работе, при разоблачениях всяческого „философского“ или „психологического“ обмана. Но так как, как уже упоминалось, нас ждут впереди совершенно другие волнующие, захватывающие темы, для понимания которых мы не сможем оказаться на высоте, если недостаточно твердо усвоим уже изложенное, мы с читателем должны заняться на время упражнением (тренировкой) в нашем умении пользоваться уже достигнутым на ряде живых примеров.

Итак, приступим к этому упражнению (к тренировке).

Как будем мы обозначать все события, которые имели место, когда к читателю, переживавшему радость, подошел человек, тоже переживавший радость? Читатель наблюдал в подошедшем к нему человеке „реакцию радости“; читатель наблюдал и в себе „реакцию радости“—но, помимо того, читатель, возможно, наблюдал в себе и „непространственные явления радости“.

Что это за новое слово стали мы употреблять—„реакция“?

Для того, чтобы ярче оттенить, что всякий раз, когда мы произносим слова „радость“, „восторг“ и т. д. мы всегда, без единого исключения, имеем ввиду *отдельно* пространственные явления, т. е. органические движения, протекающие во время событий, называемых словами „радость“, „восторг“ и т. д.—и *отдельно* непространственные явления, возможно протекающие во время этих событий,—мы, для удобства, вводим краткое слово „реакция“ (физиологический термин) для обозначения органических движений. Слово „реакция“—на латинском языке значит: „обратное действие“; латинское слово „аго“ (ago)—см. выше—имеет общий корень с русскими словами „гнать“, „погоня“ и значит „действуя“,

„действие“, а приставка — „ре“ — обозначает „обратное“, „ответное“, „отраженное“; смысл выражения „физиологическая реакция“: „движение организма в ответ на полученные раздражения“.

Читатель наблюдал и наблюдает во многих тысячах окружающих его людей огромное множество „реакций“: реакции радости, восторга, реакции внимания, раздумья, сомненья, реакции грусти, тоски, уныния, реакции речи, ходьбы, смеха, хохота, реакции борьбы, гнева, недовольства и т. п. Наблюдал ли когданибудь читатель в этих людях „непространственные явления“ радости, восторга, внимания, раздумья, сомненья; „непространственные явления“ грусти, тоски и т. д.—Нет. Никогда. Наблюдал ли читатель такие „непространственные явления“ в себе? — Вполне возможно, вполне допустимо; автор этого „наверное“ не знает: автор никогда не наблюдал и не может наблюдать в читателе его „непространственные явления“. Если он возьмется утверждать, что читатель „безусловно“ наблюдает в себе „непространственные явления“—сможет ли он это доказать, сможет ли он это как-нибудь проверить? — Нет. Никогда. Значит, в таком случае автор допускает, что читатель неодушевлен? Конечно, автор это вполне допускает. Автор очень хорошо знает, что читатель „живой“, потому что читатель „читает“ его книгу, т. е. движется рефлексами („реакция чтения“); но об „одушевленности“,—т. е. о непространственных явлениях, которые, вполне возможно, наблюдает в себе читатель—автору ровно ничего неизвестно и известно быть не может.

Читатель сидит за общим столом перед началом обеда; обед еще не подан; вместе с ним сидят и ожидают обеда несколько человек; звякают вилки, ножи, раскладываемые около пустых тарелок; все ожидающие обеда очень долго не ели, очень голодны. Что наблюдает, что может наблюдать читатель у сидящих с ним людей? Только пространственные явления, только явления движения, только „реакции голода“.

В самом деле: звон посуды, запах готовящегося обеда вызывает у сидящих обильное слюноотделение, т. е. сокращение слюнных желез; сокращения мышцы сердца замедлены, ослаблены; кровеносные сосуды, благодаря слабой работе сердца, мало расширены, сжаты, следовательно, лица бледны; пищевод быстро и беспокойно сокращается, на по-

добие червя („перистальтические“, т. е. червеобразные движения пищевода); в головном мозгу, скрытом от читателя черепной коробкой, кожным и волосным покровами, все время движутся те пункты, которые ранее до того много раз находились в движении, во время особенно обильных и вкусных обедов, от непосредственного действия зрительных, звуковых и обонятельных раздражений, исходивших от с'едавших кушаний;—эти движения в головном мозгу—пространственные явления—и читатель мог бы их все время легко наблюдать, если бы обладал каким-нибудь сложным аппаратом, просвечивающим волосы, кожу, череп и остальные покровы головного мозга любого своего соседа; руки порывисто (беспокойно) перебирают нож, вилку, передвигают тарелки. Все это пространственные явления, все это явления движений и больше ничего;—это „реакции голода“. Наблюдает ли или может ли наблюдать читатель в сидящих с ним вместе людях что-нибудь, кроме их „реакций“ голода?—Нет, никогда, ни при каких условиях. Что наблюдает читатель в это же время в самом себе? Таковую же или „похожую“ *реакцию* голода, но, помимо того, возможно, одновременно, еще что-то другое, еще какие-то *непространственные явления*, т. е. еще „непространственные явления голода“. Читатель в сидящих с ним людях не может наблюдать их непространственные явления голода, если допустить, что таковые в них протекают.

Но может возникнуть наивный вопрос: *„ведь сидящие могут сообщить, что в них протекают непространственные явления голода! Ведь, на этом,—на таких „сообщениях“ основана так называемая „экспериментальная (!) психология“!*

Пусть читатель внимательно подумает над тем, что значит „сообщить“: это значит сказать что-то словами,—т. е. это значит *произвести целый ряд движений*—губами, голосовыми связками, мышцами живота и т. д.; но разве какие-нибудь движения организма, в частности, те его движения, которые называются *словами*, сообщают что-нибудь о непространственных явлениях, быть может протекающих в нем? Конечно, нет.

По поводу только что возникшего вопроса о „трудно-наблюдаемых“ или о „скрытых внутри организма“ физиологических реакциях, например, в случае с рядом сидящими

организмами, переживающими реакцию голода, нам следует сделать замечание, относящееся не только к пространственным явлениям в организмах, но ко всем вообще пространственным явлениям.

Все пространственные явления читатель или наблюдает или *может наблюдать*. Как угодно скрытые или далекие пространственные явления, при изменении, при улучшении условий, т. е. при приближении их к наблюдателю или при устранении пространственных же препятствий, *могут наблюдаться* читателем. Например: рефлекс головного мозга окружающих его людей читатель обычно непосредственно не наблюдает; но он *„может наблюдать“* их, если будут удалены скрывающие их покровы (волосной, кожный, костно-черепной, несколько промежуточных и т. д.).

Паров железа на солнце читатель непосредственно не наблюдает; он лишь заключает об их наличии на солнце по черной полоске в соответствующем месте солнечного спектра; но он *„может наблюдать“* их, если каким нибудь образом он мог бы перенестись на полтораста (149) миллионов километров в район, близкий к поверхности солнца (без вреда для себя от чрезмерно-низкой и затем чрезмерно-высокой температуры различных пунктов в пути).

Совсем не то с непространственными явлениями. Как „близко“, казалось бы, не протекают непространственные явления, допустим, наблюдаемые в себе самими близкими читателю людьми—его братом, матерью, женой,—читатель никогда не наблюдает в них непространственных явлений и *„наблюдать не может“*; как мелко не изрубил бы он на кусочки своего соседа, он не нашел бы в нем ни одного непространственного („психического“) явления. Чужие непространственные явления (чужая „психика“) никогда не наблюдаются и *„наблюдаться не могут“*.

Приведем еще пример. Читатель сидит в рабочем собрании в большом, хорошо освещенном зале, вместе с несколькими сотнями других людей; на подмостках стоит человек и произносит речь; сидящие слушают. Что наблюдает или может наблюдать читатель в сидящих с ним вместе людях и ораторе? Движения, движения и ничего более: реакции внимания, раздумья, сотни рефлексов головного мозга, меняющиеся в частоте и в силе сокращения мышцы сердца и т. д.

и т. д. Читатель наблюдает то же самое и у самого себя; но у самого себя он, возможно, наблюдает, помимо того, одновременно, и непространственные явления, т. е. те явления, которые он совершенно не наблюдает и не может наблюдать в сидящих вместе с ним людях и в говорящем на подмостках ораторе.

Читателю следует, на время оставив всякие книги, оставив и эту книгу, терпеливо, — долго и настойчиво, — упражняться в своем умении отличать пространственные явления от явлений непространственных; чтобы помочь ему, мы описали несколько примеров; но жизнь каждый день будет давать ему тысячи столь же ярких примеров. Мы допустим, что упорной тренировкой читатель уже достиг больших успехов в этом деле и перейдем к дальнейшему анализу (рассмотрению).

Читатель, возможно, наблюдает непространственные, т. е. „психические“ явления, но только в самом себе и больше ни в ком и ни в чем — никогда. Читатель не знает, одушевлены или неодушевлены окружающие его люди. Читатель не знает, одушевлены или неодушевлены окружающие его животные, растения, одноклеточные. Но мало того: читатель совершенно не знает и не может знать, одушевлены или неодушевлены все вообще окружающие его вещи, тела: камни, минералы, куски металла, мельчайшие частицы вещей — молекулы, атомы: читатель никогда не бывает свидетелем того, наблюдают ли они сами в себе, все время находясь в постоянном, в непрерывном движении, или не наблюдают непространственные явления; возможно, что наблюдают; вполне возможно; даже вероятно. В самом деле: все вещи движутся; движутся физические тела, химические „элементы“, атомы. Все явления, изучаемые физикой и химией — это явления движений: перемещения тел, молекул, атомов („химические“ соединения, „реакции“), „внутриатомные“ движения. Мы уже знаем, чем отличаются движения вещей, которые называются „живыми“ („организмы“ людей, вообще животных, растений, одноклеточных) от движения вещей, называемых „не живыми“ — (минералы, звезды, куски металла, молекулы, атомы) — *только своей большей сложностью*; живые вещи движутся „рефлексами“: т. е. особым, более сложным видом движений; но мы видели, что всякие вообще движения и точно так же, в частности, и рефлексы (речь, вздохи, ходьба и т. д.)

решительно ничего не говорят о том, наблюдают ли сами в себе движущиеся таким образом тела непространственные явления или нет,—а это значит, что ни о какой вещи вообще мы не можем заявлять, что в ней не протекают непространственные явления.

Возможно, что, знакомясь с началом этой главы, читатель предполагал, что мы намерены „отрицать“ одушевленность даже, например, его, читателя. Нисколько. Вывод, к которому, пока, приходит читатель вместе с нами, таков: нельзя ни отрицать, ни утверждать наличие непространственных (т. е. „психических“, „душевных“, „интроспективных“ и т. д. и т. д.) явлений ни в одной вещи, кроме самого себя: быть может, каждое химическое соединение, каждый химический элемент, каждый атом в мировом пространстве во время протекания наблюдаемых в них читателем пространственных „реакций“, (например, „химические реакции“), наблюдают сами в себе какие-нибудь непространственные („психические“) явления, (например, „ощущения“, „чувства“, „желания“ и проч.); если бы читатель стал это отрицать, автор спросил бы его: откуда у него такая „таинственного происхождения“ осведомленность о чужих непространственных явлениях, т. е. о явлениях, которые он, возможно, наблюдает только в самом себе и больше нигде, никогда?

В современной науке господствует деление на „одушевленную“ природу и природу „неодушевленную“. Читатель видит, что это деление — дикая нелепость. Однако, такое утверждение не удовлетворяет нас: в дальнейших главах наше обстоятельное исследование обнаружит, что это деление, легко проникшее в марксистскую литературу и прочно в ней закрепившееся, отнюдь не наследие первобытного невежества, и не просто случайная „ошибка“, и не просто „случайное заблуждение“, а совершенно неизбежное следствие классового деления общества, так что исключительно только вслед за вооруженным низвержением эксплуататорских классов неизбежно бурное поголовное уничтожение, истребление и этого эксплуататорского обмана.

Деление на природу „одушевленную“ и природу „неодушевленную“ обычно проводится следующим образом: к природе одушевленной обычно относятся одноклеточные, растения, животные; к природе неодушевленной—все осталь-

ные вещи — физические тела, химические элементы. Но в этом делении (ну, конечно!) нет полного согласия; по поводу него ведутся глубокомысленные споры: одни биологи категорически утверждают, что все одноклеточные, животные и растения одушевлены, „психичны“, испытывают „душевные явления“, „чувства“, „желания“, „ощущения“ и т. д.; другие биологи, наоборот, иронизируя (пошучивая) над первыми, категорически утверждают, что одноклеточные и некоторая часть растений и животных не психичны, — „ни в коем случае не психичны“, и стараются установить „границу психичности“ выше одноклеточных, — или от червей, или еще выше, от иглокожих (Бернар и легионы). Пролетарский гнев испытывает читатель-рабочий, прочитывая посвященные этому вопросу „глубокомысленные“ места в книгах современной (старой) биологии. Авторы таких заявлений — это все жертвы эксплуататорского обмана (в следующих главах будет выяснено, почему именно „эксплуататорского“).

Во II-м томе мы подвергаем самому подробному и, вместе с тем, необходимому для наших целей, рассмотрению положение дела в современной самой ответственной биологической литературе по основным, очередным вопросам биологической теоретики, и читатель будет свидетелем моря теоретической пошлости, которое изливалось и продолжает непрерывно изливаться на бумагу в спорах друг с другом представителей современных двух биологических школ: школы так называемого „витализма“ и школы так называемого „механизма“, — главным образом, но отнюдь не исключительно, представителями первой из двух названных школ.

Но все это дело будущего. А теперь дадим слово читателю.

„Я поражаюсь тому, — говорит читатель, — как много нового знаю я теперь. Я вижу, как многие места из вашей брошюры: „18 тезисов о теории новой биологии“, места, которые раньше я считал совершенно недоступными моему пониманию, начинают теперь становиться значительно более понятными для меня. Я думаю, что такой поворот в моем понимании совершается именно потому, что, под вашим руководством, я научаюсь понемногу избавляться от сотен слов традиционной философской литературы, от сотен слов, которые, как вы обещали показать в 4-ой главе, являются

намеренным обманом эксплуататорских классов. Я с нетерпением жду этой главы. Но признаюсь, я испытываю большое удовлетворение, вспоминая, что и раньше я не вполне соглашался с доходившими до меня единодушными отзывами о вашей брошюре десятков всем известных мыслителей, людей, которые всеми считаются самыми авторитетными представителями современной „философской мысли“, в частности, самыми авторитетными представителями современной марксистской философской теоретики. Я знаю, что далеко не сконфужу вас, если напомню вам, в чем заключалось единодушие этих отзывов: они формулировались всегда очень просто и однообразно: „Восемнадцать тезисов— это сплошной бред сумасшедшего“. Но я ясно вижу теперь, что когда ваша теория новой биологии не в „тезисном“, а в достаточно популярном изложении проникнет в наши ряды,—не только вы один, но и мы все вместе с вами весело посмеемся над этими авторитетами.

Я вспоминаю еще, какое сильное впечатление произвел на меня отзыв товарища М. Н. Покровского, в котором он, в противоречие со всеми обычными отзывами о вашей брошюре, писал, что ваши тезисы „имеют крупное научное значение, представляют один из опытов вполне материалистического миропонимания, *являются шагом вперед в нашей марксистской литературе*“. Сопоставив эти поразительно разноречивые отзывы, я тогда же подумал о том, как должен быть труден ваш путь к победе и к победе неизбежной, если допустить, что справедлив отзыв товарища Покровского. Однако, сейчас я интересуюсь не столько прошлым, сколько нашим будущим, и потому, чтобы лучше укрепнуть в этих вопросах, я прошу вас рассеять несколько новых сомнений, которые возникали во мне по мере того, как я углублялся раздумьем в эту волнующую тему:

Больше всего меня волнует следующий вопрос: мы с вами пришли к тому, что о непространственных явлениях *не существует слов*, что об отдельных непространственных явлениях и о группах непространственных явлений невозможно существование суждений, *за отсутствием слов*; но ведь это значит, что наше „*знание*“ ограничивается. Я боюсь, что меня начнет одолевать мрачное настроение: подумайте, как это мрачно сознаться в том, что великий огромный мир не-

пространственных явлений,—вы ведь сами допускаете протекание непространственных явлений во всей вселенной, всюду, даже в атомах и молекулах,—недоступен нашему „знанию“! Подумайте, как тяжело притти к убеждению в нашем бессилии „познать“ непространственные явления! Я бы очень хотел считать это временным явлением, явлением, которое исчезнет, когда достаточно разовьется наша наука и ее технические средства: может быть в будущем наука сумеет изобрести особо-тонкие аппараты, которые будут улавливать непространственные явления. Я вижу, что в этом вопросе, может быть, сказывается моя наивность; но я уже решил не стесняться вас и во всех случаях напрямик добиваться полной ясности в возникающих у меня вопросах.

Однако, я могу сослаться и на то, что забочусь и о ваших интересах: не находите ли вы, что вас могут упрекнуть в „агностицизме“? (на латинском языке слово „гноско“—gnosco—значит „знаю“, „знать“, приставка „а“ обозначает отрицание; смысл слова „агностицизм“—„отрицание знания“, „ограниченность“ „нашего познания“). Если этот упрек неоснователен, мне следует научиться у вас, как лучше всего отвечать на него себе самому и другим.

Теперь второй вопрос: насколько я понимаю то, к чему мы с вами пришли—это все-таки безусловно „дуализм“. (По гречески и по латыни слова „дио“, „дуд“—значат „два“; смысл слова „дуализм“—„учение о двух началах в мире“, „не сводимых друг на друга“; такими двумя „не сводимыми друг на друга началами“ во всех „дуалистических“ философских учениях являются „материя“ и „дух“, вне зависимости от того, что, кроме единичных и совершенно непонятых исключений, за тысячелетия эксплуататорской истории философии, во всех случаях о „материи“ и „духе“ говорится самым путанным образом; противоположное „дуализму“ учение называется „монизмом“—от греческого слова „монос“—один, единственный). Признаюсь вам, я смущен тем, что это—„дуализм“: я *очень много раз* читал у Плеханова, что „дуализм“—это отсталый вид философских теорий, что все великие философские системы были „монистическими“, и поэтому и философской теории рабочего класса следует быть „монистической“. Я напомним вам, что это утверждение Плеханова много раз повторялось в его главных

сочинениях, а затем добросовестно переписывалось оттуда в свои собственные сочинения другими теоретиками философии марксизма, ставшими теперь известными признанными авторитетами в вопросах философии марксизма; таким образом мне довелось так часто читать это утверждение, высказывавшееся всякий раз, как само собой разумеющееся, что теперь мне трудно разобраться в том, насколько оно справедливо; затем, что еще важнее, мне трудно разобраться в том, насколько справедлив упрек в „дуализме“ в применении к вашей точке зрения, хотя, как это ни странно, сам я являюсь автором этого упрека: с одной стороны, пространственные явления и непространственные явления остаются у вас навеки разделенными, и не сводятся друг на друга,—а это явный признак дуализма; но с другой стороны, на практике, ваш „дуализм“ оказывается настолько крайним монизмом, что я еще ни одного раза не встречал такого крайнего монизма, я попробую сказать, хотя знаю, что вы запротестуете,—такого „материалистического монизма“, каким является ваш „дуализм“; это заставляет меня подумать над тем, не является ли противопоставление „дуализма“ „монизму“ такой же выдумкой эксплуататорских (как вы это всегда обещаете в дальнейшем доказать) классов, таким же жалким наследием эксплуататорской „истории философии“—как и другое, как я уже теперь хорошо усвоил, *ложное* утверждение о существовании слов о группах непространственных явлений или об отдельных непространственных явлениях.

Я очень прошу вас разъяснить мне все это, так трудно-понятное для меня в этих вопросах“.

Мы постараемся возможно кратко, но и возможно обстоятельно ответить на эти вопросы читателя, хотя в нескольких случаях,—как это не раз случалось в нашем изложении и раньше,—нам придется отсылать его к дальнейшим главам.

Прежде всего, несколько слов по поводу брошюры „Восемнадцать тезисов о теории новой биологии“: мы глубоко уверены, что в ближайшие годы мы с читателем увидим много изданий этой брошюры, и много раз мы с ним будем свидетелями того, как, изучая эту брошюру, рабочие будут перелистывать ее своими мозолистыми руками; мы далее глубоко уверены, что к этому недалекому времени все, счи-

тающиеся сейчас самыми авторитетными, сочинения по философии марксизма самым печальным образом будут покрываться все более и более толстым слоем пыли на полках школьных библиотек. Мы совершенно не сомневаемся в том, что истинная, подлинная теоретика марксизма, какой мы ее застаем в лучших местах лучших из великих творений Карла Маркса, в ближайшие же годы выйдет на широкую дорогу теории новой биологии. И эту книгу мы пишем для того, чтобы показать русским революционным рабочим, что теория новой биологии—это прямое и неизбежное развитие подлинного, ортодоксального марксизма.

Теперь по вопросу об „агностицизме“. Нам уже приходилось выше приводить выражение Декарта о людях, которые „часто пользуются в своих утверждениях непонятными словами“. Одним из таких „непонятных слов“, свойственных вульгарному историко-философскому словоупотреблению, является и слово „агностицизм“; этим словом наименовывались самые разнородные учения—от воззрений Юма, до путаных воззрений Спенсера и до незаконченных попыток анализа запач естествознания Дюбуа-Реймонда. К нашим воззрениям никак не подходит слово „агностицизм“.

Во-первых: наше понимание процесса „знания“, „познания“ совершенно не совпадает с тем смыслом, который придавался и придается этим словам во всех вообще учениях, кроме теории новой биологии: для нас слова „знание“, „познание“ обозначают собою только физиологические реакции *без всякого участия „психики“*, т. е., без всякого участия непространственных явлений; поэтому нам трудно понимать людей, которые привыкли употреблять эти слова в старом, унаследованном от эксплуататоров смешанно-спутанном с непространственными явлениями смысле; такие люди не понимают, какое жалкое зрелище бессильной жертвы эксплуататорского обмана представляют они, при задавании вопроса в таком старом смысле даже после разоблачения теорией новой биологии эксплуататорского происхождения этой путаницы.

Во-вторых: для эксплуататорского, для буржуазного мира „знание“, „познание“ может быть высшей жизненной ценностью, „вечной ценностью“—и об этой „ценности“, вслед за испытанными фразерами буржуазной житейской фило-

софии, длинно и нудно, пошло шепелявит Карл Каутский в своей предназначенной для просвещения рабочих книге: „Развитие в природе и обществе“ (русский перевод Рязанова—Москва 1922 год)¹).

Как же смотрит теория новой биологии на „вечную ценность познания“?

Для теории новой биологии „познание“ не только как ценность, но и как процесс,—является относительным, историчным, *свойственным только классовому обществу*; во 2-ой главе мы покажем, что, вслед за низвержением эксплуататорских классов, начинается массовое ослабление, отмирание, а затем полная гибель, взрыв в воздух, уничтожение реакций „познания“; и в то же самое время начинается массовое оживление, массовые победы в организмах „единой системы органических движений“, бывшей в организмах в раздавленном состоянии все тысячелетия эксплуатации и оживающей, в значительно более развитом, в сравнении с до-эксплуататорским периодом, виде. Это утверждение теории новой биологии было впервые дважды сформулировано нами в 1919 году в брошюре „18 тезисов“. Поэтому, если б даже нам пришлось считаться с упреком в „агностицизме“, как содержащем в себе хотя бы долю серьезности, (что совершенно не возможно), мы немедленно отстранили-бы этот упрек, как „запоздавший“, *как лишенный всякого смысла в условиях пролетарской диктатуры*; эту чрезвычайно волнующую сторону вопроса, как было сказано, мы выясним со всей обстоятельностью только в следующих главах; но так как мы знаем, что это утверждение теории новой биологии о неизбежном массовом отмирании „реакций познания“ в эпоху пролетарской диктатуры, т. е. о полном исчезновении „познания“ в коммунистическом будущем,

¹) Такому же воспеванию великой „ценности“ „познания“, как „вечной ценности“ прямо или косвенно посвящен добрый десяток самых ответственных книг очень популярного буржуазного теоретика А. А. Богданова. Труды А. Богданова подвергались до сих пор сильной только для своего времени, но с точки зрения теории новой биологии, в высшей степени слабой критике (см. Н. Ленин — „Материализм и эмпириокритицизм. Критические очерки одной реакционной философии“. Москва, Госиздат, 1920 г.), так что до сих пор автор этих трудов все же продолжает считаться социалистическим и даже марксистским мыслителем.

должно быть оценено как *совершенно несмысленное* в истории мысли—(на самом деле—в истории эксплуататорской „мысли“), то мы тут же предлагаем читателю следующее: в случае, если это наше, второе по счету, возражение покажется ему не сразу достаточно понятным в столь, в высшей степени краткой, но вместе с тем, пока, вполне достаточной для наших целей формулировке, в какой мы его сейчас изложили, пусть он совершенно оставит это возражение на время без внимания и перейдет к усвоению третьего.

В-третьих: читатель просит нас рассеять его сомнения по поводу того, что какнибудь в будущем изложенные нами воззрения могут попытаться привести его в мрачное настроение: „как это мрачно“, — говорит читатель, — „сознаться в том, что великий, огромный мир непространственных явлений недоступен нашему „знанию“! Как тяжело притти к убеждению в нашей бессилии познавать непространственные явления!“.

Мы в высшей степени охотно беремся моментально избавить читателя от возможности нашествия на него такого рода мрачных настроений.

Во II-м томе мы обстоятельно исследуем, почему в двух с лишним тысячелетней эксплуататорской истории философии стал непрерывной модой трагический вой об „ограниченности человеческого познания“. Но уже сейчас, не откладывая этого дела в долгий ящик, мы намерены немедленно посмеяться над трагической миной доброго буржуа—агностика, который вздумал бы признать в нас своего единомышленника. Пусть читатель внимательно следит за нашим возражением.

Что значит „мрачное настроение“ по поводу невозможности „познавать“ непространственные явления? Это значит, что непространственные явления, которые, как хорошо знает читатель, никогда ни при каких обстоятельствах, не вызывают ни одного органического движения, — *вдруг начали вызывать сложные пространственные, органические „реакции тоски“, „реакции печали“,* в организме буржуа или даже, предположим на самое короткое время, — в организме самого читателя. Возможно ли это? Нет, ни в коем случае невозможно. Но тут на некоторое время для нас получается нечто в высшей степени непонятное: с одной стороны, мы

с читателем знаем, что совершенно невозможно, чтобы хотя бы все непространственные явления в мире, какими бы то ни было путями, могли вызвать хотя бы один единственный рефлекс в организме читателя или „агностика“ — буржуа; но с другой стороны, перед нами в высшей степени бурные „реакции тоски“, „реакции печали“ в организме нашего буржуа и несколько менее ярко выраженная реакция „мрачного раздумья“ в организме читателя; и мы принуждены чисто-сердечно сознаться, что причинами всех этих реакций являются не более и не менее, как именно непространственные явления, о которых мы до сих пор настойчиво утверждали, что они самого невинного свойства и не могут „причинить“ никому „ни одного рефлекса“.

Повидимому нам предстоит сознаться, что мы попали в самое неожиданное и вместе с тем, в высшей степени трудное противоречие. Все это настолько подавляет нас, что мы начинаем терять то бодрое настроение, в котором мы привыкли разговаривать с читателем, и начинаем понемногу обнаруживать в своем собственном организме в высшей степени „пространственные“, „протяженные“ и „измеримые“ физиологические „реакции волнения“, „реакции тревоги“; по поводу этих реакций мы быстро соображаем, что они повидимому опять таки явным образом причинены нам все теми же непространственными явлениями, которые до самой последней минуты мы считали совершенно невинными; — это последнее обстоятельство совершенно лишает нас мужества и доводит до самой крайней степени нашу „реакцию беспокойства“.

Однако, находясь в таком крайнем беспокойстве, мы вдруг внезапно вспоминаем кое-что из дальнейшего изложения нашей книги и моментально возвращаемся в столь привычное для нас бодрое настроение. Теперь наше беспокойство миновало, и мы попытаемся, поскольку это окажется возможным, тут же, — т. е. на ранней сравнительно стадии нашего изложения, — осветить эту вековую невероятную эксплуататорскую путаницу *с точки зрения наших позднейших достижений*, — т. е. с точки зрения еще неизвестного читателю нашего „учения об эмульсиях“ (см. „18 тезисов и т. д.“).

Непространственные явления не принимали ровно никакого участия в причинном образовании всех перечисленных выше реакций „тоски“, „печали“, „раздумья“, „беспокойства“ в организмах буржуа, читателя и автора. Непространственные явления уже по одному тому не могли вызвать в нашем с читателем и с буржуа организмах перечисленные выше реакции. что все эти реакции как-раз являются реакциями разочарования в способности человека удовлетворить свой интерес к непространственным явлениям: но *к непространственным явлениям человек не обнаруживает и никогда не обнаружит никакого интереса; непространственные явления никогда не вызывали и никогда не будут вызывать никаких реакций в организмах, следовательно, в частности, и „реакций интереса“ к себе.* Поэтому ясно, что уже по одному тому совершенно невозможно, чтобы неудовлетворение (неразрешение) таких мнимых, совершенно несуществующих и совершенно невозможных „реакций интереса к непространственным явлениям“ могло бы вызвать в организмах следующие за ними „обратные“ реакции—„неудовлетворенности“, „тоски“, „печали“, „разочарования“ в способностях человеческого организма или человеческого „разума“ или „нашего познания“ удовлетворить такой *совершенно несуществующий* интерес. Непространственные явления никогда не вызывали и никогда не будут вызывать к себе ровно никакого интереса; поэтому совершенно невозможно, чтобы непространственные явления могли вызывать разочарование по поводу неудовлетворения такого совершенно несуществующего интереса.

Мы очень хорошо видим, как кривится наш бедный буржуа—„агностик“, и поэтому без всякого промедления даем ему слово:

„Я подслушал с самого начала все ваши беседы с читателем по поводу пространственных и непространственных явлений“, — говорит наш буржуа — „агностик“, — и мне все время удавалось сохранять хотя бы сравнительное спокойствие: я должен сознаться, что я решил, прежде чем начать возражать вам, предварительно посоветоваться с моими коллегами из Университета и Академии; я считаю, что ваши воззрения настолько неслыханны, настолько опасны и разрушительны для самых основ человеческого мышления, что я не

сомневаюсь в том, что самые талантливые, самые выдающиеся мои товарищи—приват-доценты, профессора и академики—соединятся вместе, чтобы общими силами во-время, именно во-время, воспрепятствовать распространению ваших взглядов. Кстати я вспоминаю, что лет 10—11 тому назад, когда вы впервые публично выступили с вашей „теорией новой биологии“, все мы сделали все возможное, чтобы воспрепятствовать появлению в печати вашей разрушительной и безумной теории; поэтому я был несколько обескуражен, когда несколько лет спустя, в самый разгар пролетарского восстания, я начал находить в библиотеках вашу книжку „18 тезисов о теории новой биологии“, книжку, написанную вами на красном фронте буквально под гул орудий,—и я с неудовольствием подумал: „С каким упрямым человеком мы имеем дело“. Однако, я признаюсь вам, что действует на меня несколько успокаивающе, когда я начинаю думать о трудностях борьбы с вами в обстановке пролетарской диктатуры: я очень внимательно прислушивался к вашему разговору с читателем и мне удалось уловить, что вы находите, что элементы, как вы выражаетесь, эксплуататорского обмана (я ненавижу грубость ваших выражений об „эксплуататорских“, о „буржуазных ценностях“, которые я считаю ценностями общечеловеческими и вечными), — проникли в марксистскую философскую теоретику и прочно укрепились там; вы призываете революционных рабочих первым делом очистить марксистскую теоретику от наследий эксплуататорского обмана. Но этим самым вы невольно вооружаете против себя десятки и сотни своих же товарищей-марксистов, которые с десятков и более лет считались ответственношими марксистскими теоретиками и ни разу не находили надобности в подобном новшестве. Я кое-что, очень смутно помню о ваших спорах лет десять-одиннадцать тому назад с Петром Юшкевичем и о вашем знакомстве и беседах тогда же с Л. Аксельрод (Ортодокс) и я надеюсь, что теперь, столько лет спустя, когда ваша дерзкая настойчивость начинает превышать всякую меру, не один из ваших друзей по революции и по марксизму примкнет к нам, чтобы принять участие в общей борьбе с опасностями распространения вашего безумия. Я не смею быть уверенным в этом, но я позволяю себе надеяться, что это может случиться.

По поводу сделанного мне вами предложения высказаться относительно вашего утверждения, что непространственные явления никогда ни в ком не вызывали и не будут вызывать ровно никакого интереса к себе, я могу сказать следующее: еще никогда я не считал проповедываемые вами взгляды последствием такого вашего крайнего несомненного безумия, чем когда я только что из ваших собственных уст услышал это утверждение. Я нахожу, что оно настолько нелепо, настолько противоречит очевидности, что над ним будут смеяться дети. Мы знаем, что тысячи лет лучшие умы человечества затрачивали свои лучшие силы, исключительно на одни только попытки разрешения трудностей познания „душевных явлений“. Неужели они это делали без всякого интереса к ним? Сколько мы знаем самоубийств, вызванных отчаянием в возможности найти пути к познанию „душевных явлений“! И все эти трагедии происходили при отсутствии всякого интереса к ним? Пройдите в переполненные молодежью аудитории наших университетов, когда наш всемирно-знаменитый профессор философии читает лекцию о великих трудностях познания души. Что-же? Он говорит, его слушают без всякого интереса к душе, к непространственным явлениям?

И, наконец,—тут уж позвольте мне откровенно улыбнуться,—я прослушал ваши обстоятельные речи с читателем о непространственных явлениях! Я вижу у вас в руках целую книгу, написанную вами самим о непространственных явлениях. И после всего этого вы утверждаете, что вы то сами никогда не испытывали и сейчас не испытываете ровно никакого интереса к непространственным явлениям! Я нахожу, что вы настолько противоречите очевидности, что делаете совершенно излишним трату времени на возражения вам“.

Мы постараемся с возможной полнотой ответить на сомнения нашего буржуа. Мы должны с ним считаться; было бы очень плохо, если бы мы позволили себе оставить без внимания возражения буржуа и принялись-бы с особой полнотой отвечать на возражения какого-нибудь в высшей степени авторитетного представителя философской теоретики марксизма; этим самым мы косвенно признали бы, что продуктам эксплуататорской лжи, проникшим и закрепившимся в философской теоретике марксизма (а только по поводу

такой лжи у нас и может быть и неизбежен спор с авторитетными представителями философской теоретики марксизма) мы придаем большую цену или считаем чем-то принципиально лучшим, чем другие продукты эксплуататорской лжи, еще не попавшие и незакрепившиеся в теоретике марксизма или уже однажды выкинутые из нее усилиями лучших ее представителей. Но прежде чем ответить на возражения буржуа, мы позволим себе сказать несколько слов по поводу обычных проскользнувших и в его речи обвинений нас в „безумии“.

Для эксплуататорского, для буржуазного мира „ум“, „разум“,—это слова, обозначающие самые высокие ценности, „высшие ценности“, „вечные ценности“,—так же, как уже упоминавшиеся нами выше „вечные ценности“: „знание“, „познание“.

В подавляющем большинстве эксплуататорских (монистических!) философских теорий слова—Ум, Разум (с большой буквы) полностью отождествлялись с высшей и вечной ценностью—с Богом.

Во II-м томе мы покажем, что *вне перспектив теории новой биологии возможна была лишь самая поверхностная критика эксплуататорской сущности и эксплуататорской роли этих теорий*; но скоро—уже во 2—5-ой главах—мы покажем, что, вслед за низвержением эксплуататорских классов, начинается массовый процесс отмирания „разума“, одновременно с уже упоминавшимся нами выше массовым процессом отмирания „знания“, „познания“;—как мы это обстоятельно покажем, массовое отмирание всех этих „высших ценностей“ произойдет одновременно с массовым возвратом человеческих организмов к до-эксплуататорскому состоянию единиц органических движений,—к „единой системе органических движений“. Поэтому упреки в „безумии“ могут вызвать в нас вопрос: не в этом ли углубленном смысле употребляется по нашему адресу упрек в „безумии“? В этом случае мы склонны принимать его, как самый ценный для нас комплимент: он обозначает, что нас считают в высшей степени передовым организмом, благодаря особым сложным биологическим особенностям, опередившим на несколько лет восставших пролетариев России и уже сейчас расставшимся с „цепями разума“, уже сейчас полностью перешед-

шим (вернувшись) к „единой системе органических движений“. Однако, мы обладаем достаточным мужеством, чтобы признаться, что, скорее всего, наш буржуа употребил по нашему адресу слово „безумие“ в несколько ином и именно не в ново-биологическом, а в обыденном смысле этого слова. Мы должны не колеблясь признаться, что в этом втором, более всего вероятном, случае упрек в „безумии“ заключает в себе значительно меньше любезности, чем если бы мы позволили себе приписать ему смысл, раскрывшийся нам в первом случае. Но так как возможность такого толкования нам в высшей степени не нравится, то мы ответим на него следующее:

Мы воспользовались полутным замечанием нашего собеседника о нашем „безумии“ и подвергли это замечание двум, сравнительно обстоятельным, толкованиям для того, чтобы иметь случай—во-первых: лишний раз напомнить об относительности эксплуататорских ценностей, в частности, даже такой ценности, как „ум“, „разум“, и этим самым заранее обеспечить себе повышенный интерес читателя к содержанию наших 2—5-ой глав; и во-вторых: для того, чтобы тут же объявить наш „вызов на спор“. Рассмотрение (анализ) упрека нас в „безумии“ дает нам великолепный случай тут же, в 1-ой главе, заявить читателю, что мы намерены принять все зависящие от нас меры, чтобы наше изложение подверглось самой обстоятельной и, если придется, самой ожесточенной дискуссии во всех вообще кругах, как в буржуазно-академических, университетских верхах, так и в глубоких партийных низах; мы намерены, при этом, самым решительным образом оспаривать пальму первенства на здравый рас­судок и самую трезвую рассудительность у любого из известных научных или философских авторитетных теоретиков, который найдет для себя возможным гласно выступить против любого из защищаемых нами „неслыханных“ утверждений; но мало того: мы выражаем согласие немедленно принять на себя уже приводившийся нами выше, как мы выразились, „лишенный любезности“ титул, если хотя бы один, единственный раз на любом собрании мы,—или непосредственно, или через кого-нибудь из далеко не малочисленных теперь наших сторонников, достаточно нами для этой цели подготовленных,—не подвергнем полному разгрому всякого,

кто выступит с обстоятельной или, хотя бы, скольконибудь членораздельной критикой наших утверждений в защиту старых воззрений. Тут, несколько отвернувшись от подслушивающего буржуа и обратившись к нашему Читателю (так как, по мере развития нашего изложения, наш читатель из риторической фигуры начал постепенно оживать перед нами и принимать совершенно конкретную, т. е. телесную оболочку русского революционного марксиста-рабочего, прошедшего суровую школу активного участия в пролетарском восстании, мы, совершенно сроднившись с ним, будем в дальнейшем писать его с большой буквы), мы сообщаем ему следующее: мы вспоминаем, как лет 10—11 тому назад мы *неоднократно*, при тысячных аудиториях, в соединенной обстановке академического Петербурга с одной стороны и полуподпольной и около-подпольной студенческой кружковщины с другой стороны, без особого труда осуществляли над выступавшими против нас в высшей степени выдающимися, с мировыми именами, представителями буржуазной профессуры то самое (см. выше: „подвергание полному разгрому“), что в приведенной нами выше формулировке нашего „вызова на спор“ может показаться Читателю несколько преждевременным или, может быть, преждевременно смелым; лично мы в связи с нашими воспоминаниями о прошлом, делаем этот вызов с полным самообладанием, без какого-нибудь, хотя бы единого, признака волнения и вообще без всякой „военной“ ажитации: *только трагическая для пролетариата мощь навыков и аппаратов тысячелетнего эксплуататорского обмана с одной стороны и с другой—только великая бедность, великое нищенство рабочего класса в технических средствах разоблачения и борьбы с оскорбительной, с принижавшей мощью этого вечночного обмана, могли заставить,—все равно в будущем победоносную пролетарскую теоретику,—теорию новой биологии—долгие годы оставаться в тени, в пренебрежении, в почти поголовном наглом осмеянии ее „безумия“.*

Покончив с этим вопросом о некоторых,—отнюдь еще не всех,—неизбежных особенностях столкновения теории новой биологии со всеми вообще господствующими традиционными воззрениями, мы переходим к ответу на возражения нашего „агностика“: он находит в высшей степени возмути-

тельным, что мы отрицаем; по его мнению, „очевидность“, что мы отрицаем, будто непространственные явления и сейчас вызывают и когда нибудь вызывали к себе бурный интерес всего мыслящего человечества; тем более его возмущает наше отрицание способности непространственных явлений вызвать интерес к себе хотя бы даже в одном единственном человеке. Тем не менее мы отрицаем „очевидность“ утверждения „агностика“; и больше того: мы находим, что помимо других причин, о которых мы подробно будем говорить в других главах, только величайшая органическая неспособность мыслителей буржуазного мира проникать хотя бы несколько глубже вульгарной поверхности явлений, могла заставить их в этом вопросе тысячелетиями, *до сих пор* утверждать очевидность таких вещей, которые при глубоком рассмотрении (анализе) оказываются совершенно несуществующими; в этом отношении, т. е. в установлении поразительных особенностей буржуазного мыслителя нас больше всего вдохновляет волнующий критический стиль Карла Маркса ¹⁾.

Буржуа слышит в гуле тысячелетий, как, непрерывно, „лучшие умы“ этих эксплуататорских тысячелетий посвящали все свои силы на взволнованные искания „тайны души“, „тайны духа“, и он верит звукам, книгам, избитым словам, и автоматически поучает нас этой „трагедии человека“: он не видит глубже „поверхности явлений“.

Буржуа слышит вокруг себя, как в аудиториях университетов и академий обманутые юнцы и, просидевшие всю свою жизнь в библиотеках за вызубриванием величайшего в мире тысячелетнего эксплуататорского обмана, профессора — все вместе отравляют воздух вонью своих нечистых вздо-

¹⁾ „Вульгарная экономия... хватается за внешнюю видимость в противоположность закону явления“. „Не дав себе отчета в этих результатах своего собственного анализа, ...классическая политическая экономия запуталась... в неразрешимых противоречиях, дав в то же время прочный операционный базис для пошлостей вульгарной экономики, принципиально признающей лишь одну внешнюю видимость явлений“. „На этой внешней форме проявления, скрывающей истинное отношение и создающей видимость отношения прямо-противоположного, покоятся... все мистификации капиталистического способа производства, все порождаемые им иллюзии, все апологетические увертки вульгарной экономики“. Карл Маркс. Капитал. Госиздат. Москва. 1920 г. Стр. стр. 293, 542 и 544.

хов о тайнах познания „психики“, о тайнах познания непространственных явлений—„ощущений“, „воли“, „чувств“,—и он не смотрит глубже этой вульгарной „поверхности явлений“; он указывает нам пальцем на эту „очевидность“, как на деле опровергающую наше утверждение, что непространственные явления никогда, ни в ком не вызывали и никогда не будут вызывать никакой физиологической реакции, в частности, реакции интереса к себе.

Наконец, он указывает нам на нашу книгу. Целая книга о непространственных явлениях! И вместе с тем ее автор смеет утверждать, что он не питает никакого интереса к этим явлениям! В первый раз наш буржуа бывает свидетелем такого крайнего вида „безумия“! Однако, мы скоро узнаем, что причина его возмущения и по этому поводу все та же неспособность проникать глубже „поверхности явлений“.

Мы действительно пишем главу и главы о непространственных явлениях; и мы переживаем уже много лет самый глубокий, самый взволнованный интерес к этим *словам*: „непространственные явления“. Но, что это за реальность, что это за действительность: *слова* „непространственные явления“? Это сложная, пространственная физиологическая „реакция речи“. Мы с огромным интересом много лет исследуем, как возникла именно эта „физиологическая реакция речи“ и совершенно очевидно, что все эти годы мы были совершенно чужды интереса к каким бы то ни было явлениям, кроме явлений пространственных. Мы отнюдь не преднамеренно,—например, чтобы огорчить нашего буржуа,—погашали в себе интерес к самим непространственным явлениям. Отнюдь нет! В нашем организме само собой не возникало ровно никаких движений по поводу непространственных явлений, в частности, не возникало и реакции интереса к ним; и только позднее, потом мы *поняли*, почему не возникали в нас эти реакции. Напротив: физиологическая речевая реакция: „непространственные явления“, так же, как и другая физиологическая речевая реакция: „пространственные явления“—на многие годы приковали к себе наши самые напряженные реакции интереса. Мы сразу же были поражены тем, какую огромную роль играют эти две реакции в организме человека. Мы исследовали, какую роль играли они в прошлом,

и обнаружили, к величайшему своему изумлению, что эти две речевые реакции во всей писанной истории человечества всегда оказывались в центральной точке туго намотанного клубка противоположных интересов борющихся друг с другом классов эксплуататоров и эксплуатируемых. Мы начали самым пристальным образом всматриваться в историческое прошлое этих двух поразивших нас речевых реакций „пространственные явления“ и „непространственные явления“ и обнаружили то, что мы назвали „первым великим дуализмом человеческих слов“ (см. ниже); помимо того, мы в высшей степени обстоятельно, как это видно из предыдущего, исследовали, что означают *явления*, обозначаемые этими словами, составляющими „первый великий дуализм человеческих слов“. Итак, в чем же состоит „первый великий дуализм человеческих слов“?

Одно единственное слово „непространственные явления“ (мы умышленно *временно* называем выражение „непространственные явления“ *одним* словом, как если бы два слова, из которых оно состоит, были лингвистически объединены; на следующих страницах мы организованно расстаемся с этой вольностью) всегда противостояло всем вообще остальным словам. Это одно единственное слово никогда не вступало в соединение ни с одним из всех остальных слов. Наоборот, все остальные слова объединялись вместе другим тоже одним единственным словом — „пространственные явления“. Таким образом, во всем море человеческих слов всегда противостояли друг другу два слова: непространственные и пространственные явления. Слово — „непространственные явления“ оставалось одиноким: за ним не было ни одного другого слова; за словом — „пространственные явления“ было все великое обилие всех остальных слов. Все вообще слова носят в себе какие бы то ни было трудно или легко уловимые следы происхождения их от явлений движения; мы много раз видели это выше. Даже слово „пространство“, по-русски, происходит от „простирать“, т. е. двигать, протягивать (простирать руку). Но что значит слово „непространственные явления“? Одно только отрицание („не“), будто оно значит что-нибудь, что значат все вообще остальные слова. Это *другие*, чем пространственные явления, *это* непространственные явления. Но стоит нам только попробо-

вать, как угодно вежливо, приналечь на это слово и попробовать поискать в нем хотя бы какие нибудь признаки того, что же оно в конце концов означает собой, если не означает ничего, что значат все остальные слова, как, немедленно, это сравнительно маленькое словцо начинает оказывать совершенно неожиданное при его размерах и, как мы потом в конце концов убедились, совершенно непреодолимое сопротивление: оно самым упорным образом продолжает заниматься исключительно только тем, что отрицает, будто оно значит что-нибудь, что значат все остальные слова,—и больше ничем. Говорить что-нибудь положительное о себе оно отказывается: логикой, речью мы ничего не добьемся от него; мы никак не сможем раскрыть, как говорится, „содержание понятия“ этого „термина“. Мы можем как угодно долго продолжать наши опыты и каждый раз они будут приводить нас все к тому же результату, так что, в конце концов, мы рискуем совершенно выбиться из сил. И перед нами—нужно сознаться—встает вопрос: неужели мы принуждены будем отказаться от разгадки этой „тайны“?

Тут, как заметит Читатель, мы вступили в столкновение с еще одной высшей ценностью—с логикой. В самом деле: мы оказались бессильны раскрыть „смысл“, „значение“, „содержание понятия“, которое имеет своим „термином“ выражение „непространственные явления“. Мы обнаружили, что в рамках логической фразы—„значение“, „понятие“, „содержание понятия“, „термин“,—нам не удастся довести до конца нашу работу по раскрытию „тайны“ вопроса о непространственных явлениях. Это обстоятельство,—т. е. столкновение в вопросе о непространственных явлениях не больше не меньше, как с одной из „высших и вечных ценностей“—с логикой—на первых порах нас настолько обескураживает, что мы начинаем подумывать об осторожном, своевременном и, если возможно, незаметном отступлении, т. е. начинаем подумывать о том, как бы затушевать вопрос об озадачившей нас выше „тайне“,—о содержании понятия „непространственные явления“. Но в эту минуту, так же внезапно, как и в прошлые разы, мы вспоминаем кое что из содержания дальнейших глав нашей работы и начинаем с прежней бодростью продолжать наше изложение.

Но тут нас перебивает агностик: „Вот видите,—говорит он:—вы сами только что признали, что вступили в противоречие с логикой“.

Однако, такое возражение агностика — это явное искажение действительности. В самом деле: мы не вступали ни в какое противоречие ни с одним из утверждений или „законов“ логики. Здесь в 1-ой главе мы обеими руками крепко держимся за, как мы обнаруживаем лишь в других главах, смертную брэнную логику и, несмотря ни на какие соблазны, (пусть другие главы говорят что угодно!), не хотим ни на одну минуту оторваться от нее. В этой главе, с самого начала ее до конца, мы ведем наше изложение в полном согласии с узаконенной логической диалектикой; и то, что произошло с нами при попытке раскрыть „содержание понятия“ „непространственные явления“, отнюдь не есть „противоречие“ с логикой или противоречие какогонибудь нашего утверждения какимнибудь законам логики; нисколько! Это столкновение нас самих (а не какогонибудь нашего утверждения) — и опять таки не с какиминибудь из законов логики,—а с самим существованием логики. При этом столкновении мы остановились в попытках логически разобраться в смысле „непространственных явлений“, не произнесли ни одного утверждения, противоречащего логике; и ведем наше дальнейшее изложение, начав обходное движение всей логики вообще, обозревая окрестности с точки зрения теории новой биологии. Таким образом агностик предстоит разочароваться в его надеждах еще раз прикрепить к нам уже упоминавшийся „лешенный любезности“ титул. Что же можем мы сообщить о наших намерениях совершить обходное движение логики для того, чтобы добиться конечных результатов в попытке разгадать смысл, „содержание понятия“ „непространственные явления“?

В этой главе очень мало. В этой главе мы можем только кратко сообщить то, что, в результате обстоятельного рассмотрения, нам становится известным в дальнейших главах о сущности, о происхождении и о дальнейшей судьбе логики; при этом само собой разумеется, что с последним вопросом связана и судьба наших исследований тайны „содержания понятия“ „непространственные явления“. Точно так же, само собой разумеется, что все это сообщение но-

сит чисто осведомительный характер и, до подробных исследований в дальнейших главах, не претендует (не притязает) на доказательность:

„Логика“ (от греческого слова „логос“, которое одновременно значило „слово и „разум“), точно так же, как „разум“ и „познание“, возникает вместе с возникновением деления общества на классы, как результат особых, исследуемых нами в 4-ой главе, мероприятий эксплуататоров над эксплуатируемыми, мероприятий, связанных с осуществлением самого акта эксплуатации; вслед за низвержением эксплуататоров, в обстановке диктатуры пролетариата, начинается массовое отмирание, вместе с другими ценностями эксплуататорского мира,—„познанием“, „разумом“—также и „логики“;—т. е. начинается массовое возвращение организмов к уже упоминавшейся, сильно усложненной в сравнение с до-эксплуататорским периодом, „единой системе органических движений“. В наступающем сейчас столкновении (бывшей в организмах все тысячелетия эксплуатации в раздавленном состоянии и ныне оживающей). — „единой системы органических движений“ с возникшими и закрепившимися в организмах в эпоху эксплуатации особыми системками движений, теперь фигурирующими под именем „высших и вечных ценностей“ эксплуататорского мира, в этом столкновении единой системы органических движений с *полностью гибнущими* „вечными“ ценностями — „познанием“, „разумом“, „логикой“, — совершенно впервые *полностью раскрывается, обнажается временный, относительный характер этих „вечных“ ценностей, и их явно классовый, явно разбойничий, явно эксплуататорский характер.* В последних главах 1-го тома мы рассмотрим, поскольку можно считать следами смутного предвидения этого будущего (кратко сформулированного здесь) бурно-революционного процесса некоторые утверждения Гегеля, частые намеки в творениях Фейербаха и еще больше некоторые настойчивые утверждения Карла Маркса, раскинутые большею частью в его письмах.

Таким образом, нам становится совершенно ясным, что разрешение возникшего у нас попутно, при ответе на возражения агностика, вопроса о смысле, о содержании понятия „непространственные явления“ нам следует отложить на

то время, когда мы, после ряда глав, вместе с Читателем перейдем, так сказать, в „внелогическое бытие“.

Тем не менее, это не мешает нам продолжать наш ответ на возражения агностика, и мы тут же замечаем, какую огромную пользу принесли они нам:

По мере того, как мы выше подвергали исследованию действительный смысл возражений, сделанных нам агностиком, мы, как бы сами незаметно для себя, пришли к законченной (для этой главы) формулировке нашего ответа на эти возражения. Мы предварительно пришли к тому, что мы можем ниже кратко формулировать под именем „первого, великого, вечного дуализма — пространственного и непространственного“. Заметим, что до ниже-следующей формулировки, мы с Читателем как бы еще не совсем точно знали, что это такое.

„Первый, великий, вечный дуализм пространственного и непространственного“ всегда предстает перед нами в двух видах: 1) с одной стороны—это дуализм пространственных и непространственных явлений. В этом случае он предстает перед нами в чрезвычайно меняющемся виде: то безгранично великим, то крайне малым; то „вечным“, то крайне ограниченным во времени. В самом деле: когда мы считаем вполне возможным, что непространственные явления протекают не только в нас, но и в других людях, животных, одноклеточных и даже в молекулах и атомах,—этот дуализм вырастает перед нами, как огромный, великий, заполняющий вселенную и заполняющий бесконечность времени существования материи; но когда мы считаем столь же возможным, что непространственные явления протекают только в нас самих и больше нигде, мы принуждены допустить возможность его сравнительной ограниченности.

Таким образом, мы видим, что в этом первом случае (1) впрочем, точно так же, как и ниже, во втором (2), слова „великий“, „вечный“, в выражении „первый, великий, вечный дуализм пространственного и непространственного“, по своему смыслу, сомнительны и их можно было бы взять в самые несомненные кавычки. 2) С другой стороны, это дуализм двух чисто пространственных явлений: одного пространственного явления—человеческой физиологической словесной реакции: „пространственные явления“, и второго, столь же простран-

ственного явления—человеческой физиологической словесной реакции: „непространственные явления“. В этом втором случае „первый, великий, вечный дуализм“ предстает перед нами, во всяком случае, в ограниченном виде: это всего-навсего дуализм физиологических реакций и то только особых, словесных, т. е. свойственных только человеку. Самое большее, что нам может удасться показать, когда мы с Читателем, как говорилось, перейдем во „внелогическое бытие“, это то, что это дуализм физиологических реакций всех организмов—от человека до одноклеточной и что следами этого обстоятельства является частица „не“ в слове „непространственное“, как свидетель отталкивательных, отбрасывательных движений организмов, в отличие от противоположных—хватательных, захватывающих движений всякого организма, „простирающего“ („пространство“) свои хватательные органы, например, за пищей. Но и в этом случае, если не говорить о возможных попытках тут же расширить его на все вообще вещи, (а мы с читателем далеко еще не дошли до этого) как далеко этому дуализму до заполнения вселенной!

Впрочем, преимущество „первого, великого, вечного дуализма“ в том виде, в каком он предстает перед нами во втором случае (2) огромны: в этом втором (2) случае мы сейчас же обеими руками щупаем обе части этого дуализма; мы любовно проводим руками, по сотням рефлексов, которые принимают участие в словесных физиологических реакциях обеих частей дуализма, в сотнях книг мы находим самые явные следы обеих частей этого дуализма за сотни и тысячи лет, и нам предлагают даже надеяться, что в дальнейшем мы сможем нащупывать обе части этого дуализма у всех вообще организмов, начиная от одноклеточного. Нам не посылают, как в первом случае (1), во все закоулки вселенной за „непространственными явлениями“ с неутешительным предупреждением, что если в конце концов, нам и удасться наскрести немного „непространственных явлений“ в какихнибудь звездных атомах,—(о чем нам говорят, что и это тоже совершенно невозможно),—то даже и в таком (совершенно невозможном) случае, мы не испытаем никакого интереса к нашей находке.

Мы с Читателем ясно видим, что теперь, после достигнутой нами ясной формулировки двух воплощений (1, 2)

„первого, великого, вечного дуализма пространственного и непространственного“, мы совершенно вплотную подошли к возможности ответить на возражения агностика: непространственные явления, те самые, которые, как мы с Читателем уже знаем, не могут вызвать ни в ком и ни в чем никаких реакций, в частности, не могут вызвать ни в ком физиологической „реакции интереса к себе“,—во всех приведенных агностиком случаях действительно вели себя со своим обычным постоянством. Во всех приведенных агностиком случаях ему казалось очевидным, что то „лучшие умы столетий“, то юнцы и профессора в аудитории, то, наконец, автор книги о непространственных явлениях проявляли и проявляют самым пространственным образом явный интерес к непространственным явлениям; но на самом деле, как мы с Читателем наблюдаем это теперь с „очевидностью“,—такое искаженное понимание действительности являлось со стороны нашего буржуа обычным для него скольжением по поверхности вещей. Во всех приведенных им случаях, протекавшие то у „лучших умов столетий“, то у профессора и сидящих в аудитории, то у автора книги о непространственных явлениях, бурные реакции интереса вызывались: с одной стороны—человеческими физиологическими речевыми реакциями: „непространственные явления“ и с другой стороны—различными, тоже пространственными физиологическими реакциями, которыми, для определенных корыстных целей, насильственно, целыми тысячелетиями давались общие имена, общие клички с „непространственными явлениями“, вроде кличек: „душевные явления“, „суб‘ктивные явления“, „духовные явления“, „психика“, „мышление“, „чувство“, „воля“, „ощущение“, „представление“ и т. д.

Тут, несколько неожиданно для нас, поспешно берет слово Читатель и говорит нам:

„То, что вы несколько подчеркнуто сказали сейчас в самую последнюю минуту, является для меня совершенно неожиданным и новым. Стоит ли говорить, что я с огромным интересом и с большим увлечением следил за развитием вашего ответа на возражения агностика. Я признаюсь вам, что считаю все ваши утверждения совершенно неопровержимыми. Поэтому я особенно ликовал, когда вы, проведя меня через ряд несколько трудных пока для меня утверж-

дений о сущности и судьбе логики, подошли к окончательному ответу на будто бы „очевидные“ утверждения агностика. Признаюсь, я едва удержался от того, чтобы, перебив вас, самому произнести этот ответ агностику, настолько хорошо я усвоил ваш подход ко всем этим вопросам и настолько „очевидным“ теперь казался мне тот результат, к которому вы пришли. Но, как только я услышал окончание вашего ответа, окончание, достаточно выразительно вами подчеркнутое, — я сразу увидел, что снова усваиваю нечто совершенно для меня новое. Итак, вы говорите, что те массовые бурные реакции интереса, о которых так горячо говорил выше агностик, вызывались в перечисленных им организмах не только свойственной всем человеческим организмам (а может быть и общей всем вообще организмам), физиологической „великой“ и „вечной“ речевой реакцией: „непространственные явления“. Вы говорите, что *помимо того*, эти бурные массовые физиологические реакции интереса вызывались во всех этих организмах еще действием целого ряда совершенно *других* и, может быть, даже, совсем не „вечных“ физиологических реакций, которым только из корыстных целей и насильственно тысячелетиями присваивали одни и те же клички, наименования, что и великой, вечной *обще-биологической*, речевой физиологической реакции „непространственные явления“! Так как это ваше дополнение крайне меня волнует, я прошу вас рассказать мне так же подробно, так же обстоятельно, как вы до сих пор имели обыкновение рассказывать: 1) что же это за „другие физиологические реакции“? 2) чем они отличаются от великой, вечной, *обще-биологической* речевой физиологической реакции: „непространственные явления“? Не тем ли, например, что эти „*другие*“ физиологические реакции не вечны и может быть даже совсем недавнего происхождения? и, наконец, 3) кто и почему были заинтересованы в том, чтобы придавать этим „*другим*“ человеческим физиологическим реакциям общие клички, наименования, названия, с „вечной“ речевой человеческой и, возможно, *обще-биологической* физиологической реакцией: „непространственные явления“? Может быть, в моем волнении я несколько преувеличиваю, но мне кажется, что, несмотря на то, что я с самого начала переживал огромный интерес к вашему, поразившему меня

своей новизной, изложению, я все же еще ни одного раза не был, как сказал бы наш с вами собеседник-буржуа, так сильно „заинтригован“, как сейчас этими смутно раскрывающимися передо мною волнующими новыми перспективами (далекими зрелищами). Поэтому я прошу вас, если возможно, не задержите меня своим ответом“.

Мы, к сожалению, совершенно лишены возможности осуществить желания Читателя, т. е. тут же, в 1-ой главе, „подробно и обстоятельно“ ответить на его вопросы. Почему? Потому что мы именно это и делаем в ряде глав, начиная со следующей. Тем не менее, мы, как нам уже однажды приходилось поступать выше по другому поводу, можем здесь, в 1-ой главе, в самой краткой форме, сообщить только общие результаты тех подробных исследований по этим вопросам, которыми мы занимаемся в последующих главах.

Те „другие“ физиологические реакции, о которых нас спрашивает Читатель и которые мы совершенно не будем называть в этой главе, действительно резко отличаются от обще-человеческой и даже, возможно, обще-биологической „вечной“ речевой физиологической реакции: „непространственные явления“; они отличаются от этой последней реакции тем, что возникли только вместе с возникновением деления общества на классы, как средство осуществления над организмами угнетенных классов самого акта эксплуатации; поэтому, вслед за политическим низвержением эксплуататорских классов, в реальной обстановке диктатуры пролетариата, эти „другие“ реакции начинают отмирать в организмах и затем бурно взрываются в организмах в воздух. Таким образом, эти „другие“ реакции—временны, относительны, историчны, — свойственны человечеству только в сравнительно короткий несколько—тысячелетний период его пребывания в условиях эксплуататорского общества. Эти „другие“, временные, историчные, относительные физиологические реакции потому фигурируют перед нами под одними и теми же названиями, что и великая, вечная и, возможно, даже обще-биологическая физиологическая реакция: „непространственные явления“, что эксплуататорским классам было выгодно скрыть временный характер, т. е. разбойничье происхождение этих „других“ реакций и, прикрыв их общими наименованиями с великой и вечной физиологической ре-

акцией — „непространственные явления“, *придать им совершенно чуждый им ореол („силние“) вечности, величия, внеклассовой сущности и т. д.* Именно потому, что тайна этого величайшего обмана эксплуататорских классов, как и тысячелетия тому назад, так же и сейчас, продолжает оставаться скрытой от революционной части человечества, нас продолжает до сих пор отравлять тот сумасшедший бред о „материи“ и „духе“, которым в течение тысячелетий, — каждый раз по разному, при различных изменениях эксплуататорских хозяйственных форм, „идеологические“ агенты эксплуататорских классов заполняли тысячи фолиантов; — именно потому, даже до сих пор, даже русских передовых революционных рабочих на территории пролетарской диктатуры продолжает отравлять та отвратительная, рабски-заимствованная из тысячелетней эксплуататорской историко-философской литературы, бессмысленная философская болтовня о „материи“ и „духе“, которой переполнены десятки книг по философии марксизма, книг, из которых некоторые написаны даже самыми близкими друзьями Маркса: характерная для самых последних лет и месяцев обычная постановка вопроса о средствах борьбы партии пролетариата, в условиях пролетарской диктатуры, с „наступлением буржуазной идеологии“ свидетельствует о неумении применить гениальное утверждение великого Маркса, — об относительности, об историчности, о временности категорий, т. е. понятий (и ценностей) буржуазного общества, — к анализу (к рассмотрению) *самого животрепещущего, самого насущного вопроса пролетарской диктатуры: к вопросу о пролетарской и буржуазной „идеологиях“.* Нам здесь, как никак, придется заранее указать, что именно „идеология“ — это вещь, имеющая самое близкое отношение к уже упоминавшимся нами выше „другим“ реакциям. Таким образом, наше изложение настойчиво и непосредственно в дальнейшем приведет нас, между прочим, к следующему: 1) вслед за низвержением эксплуататорских классов наступает эпоха массовой гибели „идеологий“ вообще и, 2) все практикующиеся теперь обычные средства обсуждения пролетарской политики в вопросах „идеологий“, в условиях пролетарской диктатуры, на 6-ом году ее, — устарели, негодны, требуют перехода к перспективам дальше развитой теоретики марксизма,

к перспективам теории новой биологии. Теория новой биологии в дальнейшем, в частности, раскрывает апологетический (т. е. восхваляющий эксплуататорский строй) характер „идеологии“.

„Я так и ожидал, что вы непременно кончите предсказанием гибели разума и познания“,—перебивает нас агностик. Разве то, что я о вас обычно слышал много лет, да и то, что вы теперь говорили все время Читателю, давало основание надеяться на что-нибудь другое? Однако, я остаюсь пока в стороне этот вопрос, как вы сами признаете, пролетарской диктатуры, т. е. вопрос голого насилия над высшими ценностями передового цивилизованного и культурного человечества—над разумом и познанием. Я возвращаюсь к моим сделанным ранее возражениям на ваши утверждения, что ни в ком, ни в одном организме, никогда непространственные явления не могут вызывать реакций интереса. Я должен признать, что, подумав, я нахожу ваше обсуждение моих возражений вполне, если позволите, „логичным“, хотя я допускаю и даже уверен, что такая похвала может вам не понравиться. По мере того, как я вслушивался в развитие вами вашего ответа на мои возражения, во мне созревало решение, дослушав вас до конца, немедленно же после этого отправиться к моим, как я уже однажды говорил вам, многочисленным друзьям из академии и университета, с тем, чтобы посоветоваться с ними по поводу особенностей вашего ответа, по поводу его странной логичности; в самом деле: то, что я считал „очевидным“, вы сделали для меня самого менее очевидным; я должен признать, что выдвинутая вами формулировка, как вы его называете: „первого, великого, вечного дуализма пространственного и непространственного“,—именно в его втором (2) воплощении—т. е. в виде дуализма двух обще-человеческих речевых физиологических реакций, реакции „пространственные явления“ и реакции „непространственные явления“—могла бы считаться вполне исчерпывающим, с формальной точки зрения, ответом на мои возражения; действительно, вы с очевидностью показали, что все перечисленные мною и в далеком прошлом и в настоящем бурные реакции интереса к непространственным явлениям могли быть вызваны вовсе не непространственными явлениями, а ролью в человеческой истории этой, как

вы, повидимому, допускаете, обще-биологической, а, по моему, всего лишь обще-человеческой, речевой реакции: „непространственные явления“. Таким образом, с формальной точки зрения, вы оказались неопровержимыми: вы доказали, что все перечисленные мною бурные реакции интереса могли быть вызваны исключительно пространственными явлениями,—именно этой обще-человеческой речевой реакцией „непространственные явления“; мне предоставлялось после этого сколько угодно сомневаться в моральности вашего объяснения, но протестовать против него я бы не смог: оно, как я уже говорил, оказалось логически неопровержимым. Но тут вы сами сразу напортили себе: вместо того, чтобы удовольствоваться достигнутым и торжествовать надо мной формальную логическую победу, вы предпочли снова предаться (признаюсь, несколько внезапно для меня), отвратительным старым бредням—об „эксплоататорах“, об „эксплоататорском насилии“, о „вековечном эксплуататорском обмане“ и т. д. и т. д. Вы не остались на высоте положения: вы предпочли предаться мелким страстям,—пусть по вашему, „классового“ озлобления, этого озлобления, свойственного нашему тревожному времени. Причем тут, в самом деле, „классы“ и „эксплоататоры“, если допустить, что они вообще существуют? Вы сразу же совершенно испортили свое положение тем, что, как только закончили, совершенно логически безукоризненное, опровержение самых сильных моих возражений, вы тут же осложнили свой ответ ненужным, по моему, дополнением: вы утверждаете в нем, что те бурные реакции интереса, о которых у нас с вами все время шла речь, вызывались отнюдь не только ролью в истории, или как мы с вами стали теперь, действительно, точнее выражаться, действием на организмы в течение столетий и тысячелетий, общечеловеческой речевой физиологической реакции—„непространственные явления“, но и действием „других“ физиологических реакций. Об этих „других“ физиологических реакциях вы тут же сообщили, что они возникли, будто бы, вместе с возникновением деления общества на классы, что они возникли для осуществления эксплуатации и в результате эксплуататорского насилия, и что даже общие названия с „непространственными явлениями“ они носят специально для того, чтобы скрыть их будто бы „разбойничье“,

„эксплуататорское“ происхождение. Я заранее питаю отвращение к такому объяснению; но так как вы говорите, что обстрелянное рассмотрение всего этого, по моему, совершенно понапрасному выдвинутого вами вопроса, вы переносите на ряд последующих глав, — я решаю отсрочить свой визит к академическим друзьям и постараюсь возможно внимательнее, вместе с Читателем, предварительно выслушать содержание этих глав.

Однако, я могу признаться, что хотя и не ожидаю ничего хорошего от этих глав, я все-же тайно надеюсь на то, что может быть найду в них что-нибудь, что значительно ярче осветит ваш ответ на мои возражения; в самом деле: хотя я и считаю ваш ответ на них (без добавления!) совершенно логически безукоризненным и с формальной точки зрения совершенно исчерпывающим, однако, мне сразу же показалось странным, что такие бурные переживания, примеры которых я приводил, могли вызываться всего-на-всего, пускай, обще-человеческой, пускай даже, как вы надеетесь доказать, обще-биологической, физиологической речевой реакцией, „непространственные явления“. Столько бури из за таких, пускай даже и „вечных“ пустяков, как обще-биологический дуализм физиологических „речевых реакций“ „пространственное“ и „непространственное“. Поэтому, несмотря на то, что я крайне отрицательно отношусь к вашему дополнению, я все же нахожу, что оно представляет большой интерес, даже с академической точки зрения: развивая ваше „дополнение“ в дальнейших главах, вы будете принуждены настолько полно осветить точку зрения теории новой биологии в этом вопросе, что для всех будет становиться все более и более ясным, в какое противоречие вступили вы со всякой, выработанной веками, академической истиной; и это в конце-концов приведет к гибели вашу точку зрения. Я пока замолкаю, с надеждой, что мне скоро удастся быть свидетелем всего „этого“.

Мы можем обещать Читателю, что в дальнейших главах мы приложим все усилия к тому, чтобы сделать совершенно невозможным осуществление надежд агностика на гибель теории новой биологии под ударами всякой вообще академической ветхости, даже такой, которая должна иметься

нами ввиду, если мы будем понимать выражение „академический“ не в ограниченном до-революционном смысле.

Прежде, чем перейти к очередному вопросу Читателя, по поводу возможного „дуализма“ теории новой биологии, мы несколько задержимся здесь над исправлением некоторых вольностей нашего изложения, вольностей, которые и в изложении дальнейших глав мы некоторое время оставляем неисправленными, но которые на этой стадии нашего изложения уже могут и даже должны быть нами оговорены. Мы с самого начала не называли непространственные явления никакими другими словами, кроме слов „непространственные явления“. Наоборот—мы привели целый ряд слов, которыми всякий раз, почти без всякого исключения, во всей истории философии, психологии, логики, во всей обильной социальной и социологической литературе наименовываются непространственные явления; эти слова были: душа, психика, сознание, мышление, суб'ект, ощущение, представление, воля и т. д. и т. д.; мы показали в нашем изложении, что все эти слова во 1) все без исключения, по своему составу, обозначают пространственные явления; во 2) не могут наименовывать непространственных явлений, потому что об отдельных непространственных явлениях и о группах непространственных явлений невозможно существование слов; наконец, в 3) мы обещали показать в дальнейших главах, что господствующее тысячелетиями применение всех этих слов к обозначению непространственных явлений — эксплуататорского происхождения, осуществлено идеологической агентурой эксплуататоров из корыстных целей классовой эксплуатации. В результате оказалось, что мы последовательно, раз за разом (1, 2, 3), компрометировали этот почтенный „каталог душевных слов“. В это же самое время в нашем изложении выражение „непространственные явления“ с каждой строкой начинало все более завоевывать симпатии Читателя. В самом деле: оказалось, что это единственное выражение, которое противостоит всем вообще другим словам тем, что совершенно не пытается сообщить о непространственных явлениях что-нибудь, кроме того, что они *непространственные*, что они *другие*, чем пространственные. При такой точности этого выражения, мы уже, как бы, готовы были считать его, как говорится, „идеальным“; однако, после всех

размышлений, которые имели место выше, мы нелегко поддаемся этому соблазну. Мы сразу видим некоторые вольности, которые мы себе позволили в употреблении этого выражения: 1) к непространственному неприменимо слово „явление“; это слово значит один из видов движений: явление и исчезновение; к непространственному это слово не может относиться — и выражение: „пространственные и непространственные явления“ следовало бы заменить выражением: „пространственные явления и непространственное“; 2) по поводу непространственных явлений мы употребляли выражения, что они, может быть, „протекают“ во всех окружающих нас организмах, может быть, „существуют“ во всех телах и, может быть, „наблюдаются“ сидящим с нами рядом человеком; однако, все эти выражения: „протекают“, „наблюдаются“ и даже „существуют“ — неизбежно пространственные обозначения: мы не станем для доказательства этого усложнять изложение лингвистическим анализом этих слов („протекать“, „наблюдать“, „существовать“), анализом, которым теперь сможет заняться уже сам Читатель. Сказанное нами значит, что и эти слова: „протекают“, „наблюдаются“ и „существуют“, как и всякие вообще слова, *не должны применяться по отношению к непространственным явлениям.*

Тем не менее, перечисленным двум указаниям (1, 2) на допущенные нами в изложении вольности мы пока не дадим никакого хода. На этой ступени нашего изложения устранение этих незначительных вольностей сыграло бы, если возможно выразиться, реакционную роль: мы, исключительно в угоду внешнему блеску, довели бы этим наше изложение до огромной трудности, лишили бы его популярности и этим самым революционизирующего действия; все равно изложение дальнейших глав приводит в этом вопросе сразу к такому скачку вперед, который оставит далеко позади себя все намерения исправить эти временные и незначительные недостатки. Но мало того: мы можем смело сказать, что наше изложение уже сейчас по своей точности во много раз превосходит все, что когданибудь писалось по вопросу о пространственных и непространственных явлениях. Тем менее представляется надобность в немедленном исправлении этих двух вольностей.

Мы можем теперь перейти ко второму вопросу, заданному нам Читателем, к его вопросу по поводу „дуализма“ нашей точки зрения.

Мы вспомним, что этот вопрос Читателя, на самом деле, заключал в себе несколько совершенно различных вопросов. В самом деле: сначала Читатель спросил нас, не правда-ли, что изложенная нами точка зрения является „несомненным дуализмом“: пространственные и непространственные явления у нас совершенно и навеки разделены и не „сводятся“ одни на другие; после того Читатель тут же задал и свой второй вопрос, в котором он просил нас разъяснить ему, не правда-ли, что в обычном, в свойственном историко-философской литературе словоупотреблении: „дуализм“, „монизм“—проявляются результаты того самого тысячелетнего эксплуататорского обмана, о котором мы обещали ему в будущем говорить подробно; такое несколько внезапное для нас сомнение в пригодности обычного туманного смысла, вкладываемого в эти слова, возникло в Читателе, как он нам объяснял, именно потому, что его поразила одна постоянная особенность нашей точки зрения: „с одной стороны“,—говорил он нам—„пространственные явления и непространственные явления остаются у вас навеки разделенными и не сводятся друг на друга,—а это явный признак дуализма; но с другой стороны, *на практике*, ваш „дуализм“ оказывается настолько крайним монизмом, что я еще ни одного раза не встречал такого крайнего монизма,—я попробую сказать, хотя я знаю, что вы запротестуете,—такого „материалистического монизма“, каким является ваш „дуализм“. Попутно читатель задал нам по этому поводу еще и третий вопрос: как с нашей точки зрения следует относиться к обычному у Плеханова утверждению,—„добросовестно переписывавшемуся“,—как выражался Читатель,—„из сочинений Плеханова—в свои собственные сочинения другими теоретиками философии марксизма, ставшими теперь известными, признанными авторитетами в вопросах философии марксизма“,—как следует относиться к утверждению Плеханова, что „дуализм“ это отсталый вид философских теорий, что все великие философские системы были „монистическими“ и „поэтому“ и философской теории рабочего класса следует быть „монистической“.

Мы должны тут же установить, что точно так же, как и в нескольких предыдущих случаях, мы только в дальнейших главах сможем дать подробные исчерпывающие ответы на эти три вопроса. Однако, после того, как мы выше, при развитии нашего ответа на возражения агностика, с достаточной для нашей цели обстоятельностью, подвергли проблему пространственных и непространственных явлений дальнейшему еще более подробно исследованию, чем мы это делали до того, и при этом прочно установили и закрепили за собой несколько новых результатов этого исследования, мы можем уже здесь, не опасаясь никаких, особенно горячих, возражений, в кратких чертах наметить наше общее отношение к заданным вопросам: не только по отношению к приведенным Читателем нескольким утверждениям Плеханова о „монизме“ и „дуализме“ и о „монистической“ „философской системе пролетариата“, но и по отношению к огромному, к подавляющему большинству всех вообще утверждений Плеханова по вопросам философской теории марксизма, точно так же, как по отношению к огромному, к подавляющему большинству всех вообще утверждений огромного числа учеников и сторонников Плеханова в вопросах философии марксизма, Читателю надлежит уже сейчас научиться относиться с величайшим снисхождением; такое величайшее снисхождение ко всем этим традиционным утверждениям должно диктоваться Читателю ясным пониманием той поразительной сплошной путаницы, которую уже сейчас он всякий раз будет находить в этих утверждениях.

Когда Читателю удастся подавить в себе обычный для нашего времени пыл пламенного преклонения перед своеобразным, несколько гипнотизирующим молодежь авторитетным тоном этого действительно самого крупного литератора по вопросам марксистской философской теории, — ему, только постепенно, начнет удаваться раскрывать поразительную поверхностность Плеханова во всех тех случаях, когда он писал о самых крупных, основных вопросах марксистской философской теории. Ни единого раза, Плеханову, точно так же, как ни одному из его многочисленных учеников, не удавалось вырваться, ни на одну минуту, из тяжких пут вульгарной эксплуататорской, буржуазной истории философии: материя и дух, материальное и духовное, материа-

лизм и идеализм, психология, бытие и сознание и т. д. Это не должно мешать Читателю ясно понимать, что тем не менее, в свое время, при организационном оформлении в России революционной партии пролетариата, философские работы Плеханова, дискуссионно успешно отражавшие бесчисленные наскоки на пролетарскую экономическую теоретику различных представителей философствовавшей буржуазной дряни, несомненно, сыграли крупную революционную роль.

Плеханов, который всю жизнь писал о материализме и идеализме, о материи и духе, об ощущениях, представлениях, чувствах и органах (!) чувств, о бытии и сознании, о психике, о психическом и т. д. и т. д. и т. д., нигде, ни в одном месте своих сочинений не обнаруживает сколько-нибудь ясного понимания проблемы пространственных и непространственных явлений; таким образом, дуализм материального и духовного витал перед его глазами в пестрой смеси совершенно разнородных вещей, смеси, тысячелетия назад осуществленной агентурой эксплуататорских классов из формулированного нами выше „первого дуализма“ и различных продуктов „других дуализмов“ (см. ниже главы 2—5). Ни одно место из сочинений Плеханова не дает указаний на то, что ему, хотя бы один раз, удалось, хотя бы ощупью, разобраться в совершенно разнородных элементах этой эксплуататорской смеси. С обнаружением этого обстоятельства, для революционных рабочих нашего времени будет становиться все более и более ясным, что только потому, что философские творения Плеханова некоторое время приносили полемические победы партии пролетариата, используя в борьбе другое, гигантской мощи, оружие марксистской философской теоретики—Гегелевскую диалектическую логику—о чем мы будем говорить подробнее позже,—можно было бы на время, исключительно из тактических соображений, по-прежнему продолжать называть эти творения, представляющие собою местами сплошной музей эксплуататорских орудий мысли—„философией пролетариата“ и, в особенности, „философией марксизма“.

Если бы нам возразили по этому поводу, что, с чисто формальной точки зрения, Плеханов, хотя и не делает ровно ни одного шага вперед в марксистской теоретике, но зато мало или почти ни в чем не отклоняется от точной буквы

утверждений К. Маркса и Ф. Энгельса по поводу „бытия и сознания“, по поводу „материального и духовного“ и т. д., мы ответили бы: во-первых—это не совсем верно; и во-вторых—*такая* верность *этим* текстам из К. Маркса и, в особенности, Ф. Энгельса является самым ярким проявлением явного извращения учения Маркса; мы надеемся в дальнейшем доказать последнее самым обстоятельным образом в ряде специально посвященных этому вопросу глав.

Теперь, когда многочисленные работы этого талантливого полемиста потеряли свое бывшее значение в полемической борьбе с представителями буржуазной философской критики, не следует, руководствуясь в этом случае совершенно ложным пониманием интересов рабочего класса, настойчиво поддерживать в передовых рабочих все равно быстро гаснущий в них интерес к этим работам. Наоборот. Следует совершенно гласно и вполне недвусмысленно заявлять, что теперь, во все более и более разгорающейся борьбе с „опасностями надвигающейся буржуазной идеологии“, следует откинуть далеко прочь от себя этот старый, заржавевший, погнувшийся и никуда вообще не годный в борьбе клинок, и для нанесения смертельных ран врагу поискать оружие и поновее и получше.

Итак, как следует относиться к утверждениям Плеханова: 1) о „дуализме“ и о „монизме“ и 2) о том, что философская теоретика пролетариата должна быть не „дуалистической“, а „монистической“?

Мы уже научились понимать, что во-первых: под словами „материальное“ и „духовное“ Плеханов ни в одной из своих философских работ не понимает что-нибудь, хотя бы на одну минуту вполне ясное для него самого; как мы уже выразились, „материальное“ и „духовное“, „бытие“ и „сознание“ витает перед ним в пестрой эксплуататорской смеси; — во-вторых: ни одно место из сочинений Плеханова не указывает на то, что этот густой туман, хотя бы изредка, рассеивался перед ним и проблема „материального“ и „духовного“ оформлялась перед ним, как проблема пространственного и непространственного.

Но тут должен возникнуть вопрос: неужели мы ограничимся только указанием на то, что, кстати, не только Плеханов, но и Энгельс в вопросе,—который, *часто, совершенно*

умалчивая о диалектике (см. гл.гл. 7—9) считают основным, самым главным вопросом марксистской философской теории,—в вопросе о „материальном“ и „духовном“, о „бытии“ и „сознании“,—обнаруживают неспособность вырваться из ряда совершенно путанных „определений“ того и другого. Нисколько! Марксистское исследование не должно ограничиваться только таким указанием. и мы действительно не ограничиваемся только этим: весь 1-ый том нашей работы, глава за главой, освещает не только современное положение, но, главным образом, *историческое возникновение* всей вообще путаницы в вопросе о „материальном“ и „духовном“, в вопросе об этом „дуализме“, историческое возникновение этой путаницы, фигурирующей на протяжении многих столетий во всех вообще „философских системах“. Развивая наше изложение, мы постепенно придем к пониманию того, что величайшая путаница в вопросах о „материальном“ и „духовном“ в сочинениях Плеханова и даже Энгельса, как и во всей вообще историко-философской литературе, чисто эксплуататорского происхождения. Такое изложение будет нашим непрерывным ответом Читателю на его вопросы о „дуализме“, „монизме“ и проч. в Плехановской и проч. литературе. Именно тогда нам придется самым настойчивым образом приводить, подчеркивать и повторять много раз знаменитое место из послесловия Маркса ко 2-му изданию 1-го тома *Капитала*: „В своей рациональной форме диалектика... ни перед чем не преклоняется и по самому существу своему критична и революционна“. („Капитал“, стр. LIV). Мы будем повторять часто это место из Маркса, призывая Читателя на деле доказать свою верность глубокому революционному смыслу этих слов.

Именно тогда мы обстоятельнее, чем это возможно для нас здесь, займемся вопросом, что именно понимали под словами: „материализм“ и „идеализм“—Энгельс или Плеханов; здесь сколько-нибудь подробное обсуждение этого явилось бы для нас в высшей степени преждевременным. Однако, уже сейчас, еслиб нам предложили выбрать немедленно, к какой из двух известных в марксистской литературе формул мы находим возможным присоединиться,—к формуле: 1) „Сначала материальное и потом духовное“ или: 2) „Сначала духовное и потом материальное“,—мы самым

решительным образом отказались бы иметь с этими обеими формулами что-нибудь общее, кроме настойчивой марксистской исторической критики их эксплуататорского происхождения. Читатель уже знает, что в этом вопросе нашей „формулой“, так сказать, нашей „собственной“ формулой может быть только: 3) „Сначала материальное и *никогда* духовное“: непространственные явления не могут образовывать в организмах никаких слов, следовательно, о непространственных явлениях невозможны суждения, хотя бы и ложные; непространственные явления, к тому же, не могут вызывать никаких реакций интереса к себе; поэтому неизбежное полное игнорирование непространственных явлений не может вызвать в организмах никаких, — полностью выдуманных эксплуататорами для других целей, — „гносеологических“, „теоретико-познавательных“ „трагедий“.

Однако, подробное, обстоятельное исследование этих вопросов мы, как уже было сказано, откладываем на то время, когда, после изложения ряда следующих глав, мы приобретем много новых и совершенно решающих для нашей темы знаний. Именно тогда мы раскроем также всю неудовлетворительность попыток Энгельса объяснить историческое происхождение, как он выражается в своей книге „Людвиг Фейербах“ (русск. перевод. Москва—1918 г., стр. 38), „великого основного вопроса всякой, в особенности новейшей философии... об отношении мышления к бытию“, „материального“ к „духовному“. Точно так же мы должны будем установить полную неудовлетворительность попытки Г. Кунова внести исчерпывающее исправление этой точки зрения Энгельса. К тому времени обстоятельное освещение истории проникновения эксплуататорской точки зрения на этот вопрос в марксистскую теоретику настолько будет закончено в нашем изложении, что мы, не боясь, что наша историческая критика сможет внушить поспешную бодрость какому-нибудь радостно настроенному буржуа, сможем себе позволить в каждом случае, разоблачая эксплуататорскую сущность какой-нибудь, считающейся марксистской, традиционной философской фразы, самым веселым образом смеяться над теми, кто захочет попрежнему продолжать защищать прикосновенность этой фразы к великому революционному смыслу творений Карла Маркса только потому, что в вели-

ких творениях Маркса иногда в совершенно невинной обстановке попадают похожие тексты.

Следует заметить, что характер нашего дальнейшего изложения требует оговорки: несколько страниц выше мы сделали крутой поворот в нашем изложении: до тех пор мы обстоятельно исследовали проблему пространственного и непространственного и, с самого же начала, при развитии этого исследования, позволяли себе только изредка и то только на несколько строк отвлекаться в сторону по различным вопросам, не совсем тесно связанным с последовательным развитием нашей основной темы. Именно благодаря такой настойчивости нам удалось притти в этом вопросе, в высшей степени короткий промежуток времени, к результатам, настолько для нас ценным, что мы намерены в дальнейшем всеми силами стараться ни на одну минуту не упустить эти результаты из рук; мы намерены в дальнейшем все время напряженно стараться ни на одно мгновение не забывать эти результаты и тем самым ни в коем случае не позволять себе в вопросе о материальном и духовном снова с'езжать на пошлую избитость философской обыденщины, хотя бы за такую обыденщину и вступались самые великие имена. Итак, в чем же заключались эти результаты, которые мы намерены с такой настойчивостью закрепить за собой? Они заключались в формулировке „первого дуализма пространственного и непространственного“ в двух (1, 2) воплощениях этого дуализма; в установлении того, что по поводу отдельных непространственных явлений и по поводу отдельных групп непространственных явлений невозможно существование слов; в установлении того, что непространственные явления не могут вызывать ни в ком, никогда, реакций интереса к себе; и в установлении ряда новых положений, которые предшествовали перечисленным. При этом мы, порою, делали краткие сообщения о том, к каким результатам в некоторых вопросах мы приходим при развитии нашего изложения не в 1-ой, а в дальнейших главах.

Однако, по поводу применения системы такого рода сообщений, может возникнуть вопрос: действительно ли своевременны были такие сообщения в 1-ой главе. Прежде чем ответить на этот вопрос, проследим, как в своем изложении поступали мы и далее:

Далее: как только мы закончили теоретическую формулировку именно тех результатов нашего исследования вопроса о пространственных и непространственных явлениях, — по поводу которых мы заранее ставили себе целью добиться самого яркого их освещения именно в 1-ой главе, мы круто повернули наше изложение: мы выбрали для себя предлогом попутный вопрос Читателя о том, как следует понимать утверждения Плеханова о монизме и дуализме и явно, казалось бы, несвоевременно стали говорить об общем положении дела в марксистской философской литературе в вопросе о материальном и духовном. Несвоевременность такого занятия, казалось бы, явствовалась хотя бы из того, что мы же сами при этом сейчас же сообщили, как и в прошлые разы, что законченный анализ (рассмотрение) положения дела с этим вопросом о материальном и духовном в марксистской философской литературе и теоретике мы даем отнюдь не сейчас, а только во второй части I-го тома, т. е. после изложения длинного ряда последующих глав.

Однако, правда ли, что во всех этих случаях мы занимались чем-нибудь несвоевременным? Первый том нашей работы носит название: „Теория новой биологии и марксизм“. Уже по одному названию I-го тома ясно, насколько мы заинтересованы в том, чтобы Читатель все время непрерывно переживал, как относятся всякие вообще результаты, к которым мы постепенно приходим в нашей работе, ко всем особенностям марксистской теоретики, т. е. теоретики отцовской по отношению к теории новой биологии. Поэтому, следовало ли нам, с полным академическим спокойствием, оставить лежать в книгах, в статьях, в журналах все имеющие к нам отношение характерные особенности марксистской теоретики и литературы, не упоминая о них ни слова, до тех пор, пока мы доведем старательно до самого конца изложение теории новой биологии, — с тем, чтобы уже затем заняться выявлением отношения марксистской теоретики к результатам нашего изложения?

Мы считали такой способ действий совершенно схоластическим. Наоборот: мы нашли необходимым, после тех первых же результатов нашего исследования, которые мы сочли значительными, немедленно вызвать наружу, к жизни, на страницы этой книги, несколько наиболее выдающихся

авторов марксистской литературы и несколько текстов из марксистской литературы,—наиболее характерных для сопоставления с данными результатами нашей работы; мы нашли необходимым тут же вызвать эти тексты наружу из книг, статей и журналов, именно для того, чтобы они непрерывно жили перед глазами Читателя, непрерывно сталкивались перед глазами Читателя с этими и со всякими другими результатами нашего исследования, по мере того, как мы будем приходить к таким результатам, одним словом для того, чтобы они вместе с Читателем пережили много надежд, волнений, сомнений, неожиданных прорывов. Мы нашли, что только при таком способе изложения мы достигнем действительных результатов у того Читателя, к которому мы обращаемся, у читателя-рабочего. Если при этом потерпит ущерб академическое спокойствие нашего изложения, то мы заранее приготовились мало печалиться по этому поводу: мы пишем нашу книгу действительно не для ученых педантов и мы можем сказать это без всякой ажитации: всякий поймет, что наша книга,—восстающая против стольких реакционных традиций, даже тогда, когда часть этих реакционных традиций всеми считаются революционными.—может обращаться за лучшим пониманием исключительно только к передовым революционным рабочим.

Именно поэтому мы с полным спокойствием будем продолжать наше изложение согласно только что защищенному нами способу.

Может показаться, что вопрос о материальном и духовном теперь, на шестом году пролетарской революции, находится в сколько нибудь лучшем положении, чем то, в каком он находился ранее в марксистской философской литературе. Но это не так. Мы приведем несколько примеров программного фигурирования этого вопроса из практики пролетарской диктатуры за последние годы:

„Должен ли он (Главполитпросвет) браться за воспитание *чувств*, за воздействие на сердце, за воспитание в массах коммунистической *психологии*“... и далее: „... футуристы... превращают его (искусство) из выразителя человеческих *чувств* в выразителя *ощущений*, притом крайне ненормальных, искаженных. Трагтуя в *душе* массы, как скопище существ, не могущих подняться до уровня человеческих *мыс-*

лей и чувств, футуристы утверждают и т. д.“ (Н. Крупская. „Главполитпросвет и искусство“. Правда. 13. II—1921 г.).

„Тов. Крупская совершенно верно отметила в своей статье полную невозможность для Главполитпросвета отказаться от заботы о целом ряде сторон художественной жизни... без *чувства*... одни *идеи* не определяют *воли*,—это утверждают все *психологи*“. (А. Луначарский. „Главполитпросвет и искусство“. Красная Новь. Москва, 1921 г. № 1, стр. 146).

Курсив везде наш. (Э. Е.).

„Что это такое?—спросит Читатель. „Неужели хорошо мне известные авторы этих цитат, говоря о „духовных“ интересах пролетариата, о коммунистической „психологии“, о выразителях (см.!!!) „чувств“, „ощущений“ и „мыслей“, ясно отдают себе отчет в том, что они говорят!“.

Мы этого не знаем. Единственно, о чем мы можем догадываться, это то, что если авторы этих цитат как следует ознакомятся с проблемой пространственного и непространственного, т. е. материального и духовного, по нашему обстоятельному и популярному изложению этой проблемы в настоящей главе, они мало-по-малу, понемногу, будут приходить к ясному пониманию той путаницы в этом, как принято считать, главным, основном вопросе философии марксизма, жертвами которой (путаницы) они оказались в приведенных случаях.

Пойдем дальше; вот цитата из одного коллективного „обращения“:

„В борьбе классов, составляющей основное содержание истории человеческих обществ, *духовное* оружие играло не последнюю роль... Советская Россия не может на нынешней стадии своего материального и *духовного* развития предоставить желающим“... и т. д.

„Что это такое?“ снова спросит Читатель. „Неужели авторы этой цитаты, говоря о „духовном“ оружии, о „духовном“ развитии, ясно отдают себе отчет в том, что они говорят? Но откуда эта цитата и кто авторы ее?“

Эта цитата из обращения „К ученым России“, обращения, напечатанного в „Правде“ от 22/XII—1921 г. Это официальное обращение начинается следующим образом: „Декретом Совета Народных Комиссаров („Известия ВЦИК от

3 декабря с. г.) учреждена комиссия для коренного (см. ! Э. Е.) пересмотра преподавания общественных наук в высших школах республики. Приступая к своей работе, комиссия считает необходимым обратиться к работникам науки с следующим заявлением...“ и т. д. Под „заявлением“ значатся подписи: Председатель комиссии — Ф. Ротштейн. Члены: Д. Боголепов, Н. Бухарин, Г. Быстрянский, В. Волгин, А. Гойхбарг, Д. Кузовков, М. Ларин, Н. Лукин, Ю. Мархлевский, М. Покровский, К. Радек, Д. Рязанов, И. Скворцов, Г. Фриче и Циперович.

Мы прежде всего попросим Читателя запомнить название этой комиссии: „Комиссия по коренному (!) пересмотру преподавания общественных наук в высших школах республики“. В дальнейшем мы будем называть эту комиссию, для краткости, просто: „Комиссией по коренному“; такое обозначение для комиссии, которая на 4-м году пролетарской революции, в публичном обращении, по старому называет какое-то „оружие“ духовным, имеет несколько веселый смысл.

Затем мы должны рассеять возможные сомнения по поводу того, что среди перечисленных подписей фигурирует подпись тов. М. Н. Покровского. Читатель помнит отношение тов. Покровского к нашей точке зрения на материальное и духовное. Еще в 1919 году тов. Покровский решительно и настойчиво подчеркивал свою солидарность с нами на этот счет; это происходило еще до возникновения „комиссии по коренному“; это относится к тем месяцам 1919 года, когда ныне покойный революционер и крупный биолог К. А. Тимирязев горячо приветствовал нашу точку зрения, считая ее „самым передовым явлением в современной биологической теоретике“. Чем же тогда следует объяснить фигурирование подписи тов. Покровского под обращением „комиссии по коренному“? Может быть, предвидением неизбежности огромных препятствий, которые новой точке зрения придется преодолеть, прежде чем она сможет считать себя закрепленной в практике пролетарской диктатуры. Может быть и в будущем многих марксистов такое предвидение заставит итти на временные компромиссы в этом вопросе.

Мы можем как угодно долго продолжать наши попытки найти хотя бы один документ в марксистской философской литературе, в котором вопрос о материальном и духовном

предстал бы перед нами не в совершенно путанном виде. Во всех случаях нас ожидает полное разочарование. Если мы позволим себе,—судя по какому-нибудь глухому намеку,—поспешно заключить, что автор данной марксистской философской работы начинает уяснять себе проблему материального и духовного, как проблему пространственного и непространственного, то очень скоро следующие же строки этого обнадежившего нас сочинения разочаруют нас в наших ожиданиях.

Даже в самые последние годы пролетарской революции, когда снова, как и в доброе старое время, стали появляться в свет работы, смело претендующие на дальнейшее „развитие“ марксистской теории, положение дела с величайшей путаницей в основном „философском“ вопросе теории— в вопросе о материальном и духовном—не улучшилось ни сколько.

Может показаться, что мы слишком, как говорится, „пессимистически“ настроены, что мы слишком мрачно смотрим на положение дела. Может показаться, что на самом деле, в кое-каких самых последних, появившихся только что, так сказать самоновейших работах по философии марксизма мы находим совершенно новые нотки в подходе к вопросу о материальном и духовном. Возьмем для примера обстоятельную книгу тов. Н. Бухарина: „Теория исторического материализма. Популярный учебник марксистской социологии“. (Москва, 1922 г.).

Эта книга вышла в свет около полугода тому назад и, за несколько месяцев, разошлась в количестве многих десятков тысяч экземпляров. Предполагается, что русские революционные рабочие должны по этой книге обучаться марксистской теории вообще и основным вопросам марксистской философской теоретики в частности. Мы раскрываем эту книгу на 52-ой стр. и читаем:

„Тут мы подошли к самому важному вопросу,—который в течение тысячи лет мучил человеческую мысль, к вопросу об отношении между материей и духом. В просторечии часто говорят о „душе“ и о „теле“. Мы вообще различаем между двумя рядами явлений. Одни имеют *протяжение*, занимают место в пространстве, воспринимаются нашими внешними чувствами—их можно видеть, слышать, осязать,

пробовать на вкус и т. д. Их мы называем *материальными* явлениями. Другие не занимают места в пространстве, их нельзя нащупать или увидеть. Такова, например, человеческая мысль или воля, или ощущение. Что они существуют—всякий знает отлично по себе. Один философ, Декарт, считал, что именно это обстоятельство есть доказательство того, что человек существует... Однако, в то же время мысль человека нельзя нащупать или понюхать; она не имеет цвета и ее нельзя непосредственно измерить ни аршинами, ни метрами. Такие явления называются *психическими*, в просторечии „духовными“.

Курсив везде автора.

Как только мы прочли это место, мы моментально решили, что тов. Н. Бухарин, о котором мы ранее позволяли себе думать совсем другое,—есть действительно решительный и смелый реформатор марксистской теории. Мы сейчас же, не без угрызения совести, вспомнили то место из „Предисловия“ к цитируемой книге, к которому мы ранее отнесли скептически и которое казалось бы и ранее должно было бы нас подготовить к такому решению; вот это место: „В некоторых, довольно существенных пунктах автор отступает от обычной трактовки предметов, в других он считает возможным не ограничиваться уже известными положениями, а развивать их далее. Было бы странно, если бы марксистская теория вечно топталась на месте“ (Н. Бухарин. Теория исторического материализма, и проч. Предисловие, стр. 6). Мы оказываемся настолько захваченными смелостью тов. Бухарина, проявленной им на 52-й стр.—т. е. в таком куда уже более „существенном пункте“ для марксистской теории, как „пункт“ о материальном и духовном, что мы едва вспоминаем, что прежде чем дойти до этой „развивающей марксистскую теорию дальше“ 52 страницы, мы добрый десяток раз обнаружили в изложении такие неприятные особенности, относительно которых мы только с большим трудом могли бы придумать сколько-нибудь мягкие отзывы. Теперь, на 52-й странице мы не хотим думать ни о чем этом. Мы несколько раз перечитываем эту страницу с тем, чтобы лучше запомнить, в каких именно решительных и точных выражениях тов. Бухарин отваживается на такое коренное развитие теории. Мы едва позволяем себе вспомнить, что: 1) года три

до того, в „18 тезисах“, при такой же формулировке вопроса, мы не считали возможным говорить о „внешних чувствах“ (!?) и что: 2) как только мы в первый раз прочли приведенный текст на 52-й странице, нам сразу же показалось странным следующее: в самом начале цитаты говорится, что в течение тысяч лет вопрос о материальном и духовном мучил человеческую „мысль“, а через 8 строк говорится, что „мысль“ непространственна, непротяженна: таким образом, не говоря уже о том, что непротяженные явления не могут иметь слов,—знание этого для т. Бухарина необязательно,—становится странным, что относительно чужих „мыслей“, которые, по тексту самого же т. Бухарина, непротяженны, непространственны, да еще относительно чужих мыслей всего „человечества“, да еще „в течение тысяч лет“ тов. Бухарин обнаруживает такую богатую осведомленность, что он сообщает, не без подробностей, что именно на протяжении этих тысяч лет „мучило“ эту самую „мысль“. Мы находим в себе достаточно мужества, чтобы сразу же подавить в себе эти и другие, попутные сомнения. Этим сомнениям не удастся скрыть от нас, какую огромную помощь оказывает т. Бухарин нашим взглядам тем, что он находит возможным решительно и смело изложить их в своей столь авторитетной для революционного юношества книге. Поэтому мы, несколько взволнованные его товарищеским участием в нашем так трудно осуществимом революционном теоретическом предприятии, поистине с удесятенным интересом продолжаем чтение. Однако, дальнейшие строки следующей же 53-й страницы начинают в высшей степени разочаровывать нас:

...„психические явления, так называемый „дух“, составляют ничтожную частицу всех явлений“... „из „мертвой“ природы развилась живая; из живой развилась такая живая, которая может мыслить. Сперва была материя, которая не могла мыслить. Из нее образовалась мыслящая материя, человек. Если это так (а это так, это доказано естественными науками), то ясно, что“... и т. д. и т. д.

Итак „психические явления“, о которых только что говорилось, что они не протяженны и их „нельзя измерить ни аршинами, ни метрами“,—сейчас же оказываются очень измеримой „частицей“ и даже „ничтожной частицей“ (даже с курсивом Н. Б.) „всех явлений“. Далее: относительно той са-

мой „мысли“, по поводу которой, только что, правда целой страницей выше (52 стр.), говорилось, что она непротяженна, „не занимает места в пространстве“, на следующей же странице рассказывается, что именно с нею происходило, но уже на этот раз не за какие-нибудь там „тысячи лет“ истории человечества,—а так сказать „с первого же дня сотворения материи“. Ко всеобщему торжеству, по поводу такой невероятной осведомленности т. Н. И. Бухарина, вдруг является, что „это доказано естественными науками“ (!!!). Известно, с каким уважением все мы относимся к естественным наукам: но тут произошла ошибка: т. Бухарин совсем забыл, что „естественные науки“—(а не какая-нибудь шарлатанская болтовня, которую по ошибке или по малому знанию т. Бухарин принимал за „естественные науки“ и даже, увы, за *доказательства* „естественных наук“),—*ни разу, ни единого разу, ни единого звука* не говорят о непространственных явлениях, значит, и об *истории* непространственных явлений „со дня сотворения материи“. Это часто является занятием всяких разновидностей „психологии“, но отнюдь не „естественных наук“.

Мы начинаем замечать, что наша бурная реакция благодарности по отношению к т. Бухарину за то, что он с таким бодрым настроением примкнул к нашему походу за внесение правильной точки зрения на материальное и духовное в марксистскую философскую теоретику, начинает понемногу ослабевать в нашем организме. Мы начинаем испытывать глубокое недовольство по поводу того, что прежде чем выступить с этой точкой зрения, т. Бухарин не нашел нужным предварительно посоветоваться с нами. Тем не менее кое-какие надежды на то, что т. Бухарину еще удастся выйти из „затруднений“, в которые он попал (нам не хочется говорить—„из безнадежной путаницы“) слабо теплится в нас. Однако, следующие две страницы (54 и 55) еще сильнее разочаровывают нас: мы находим на них все вообще избитости, тривиальности, обычно говорящиеся о материализме, идеализме и т. д.—и в нас впервые возникает вопрос: для чего понадобилось т. Бухарину на 52-й странице заговаривать о „пространственных“ и „непространственных“ явлениях? Неужели только для того, чтобы еще ярче, чем это обычно, и без того очень часто, происходит, еще один лиш-

ний раз, и именно на себе самом, продемонстрировать перед русскими передовыми рабочими всю ту путаницу в вопросе о материальном и духовном, которой отравлена наша философская литература? Или ему хотелось притти на помощь „18 тезисам“? Но тогда опять таки непонятно, почему т. Бухарин, предварительно, не посоветовался с нами. Или ему просто захотелось, как говорится, „механически“ списать откуда-то это место о „пространственных“ и „непространственных“ явлениях, с тем, чтобы уже затем, „на досуге“ постараться понять это место, но потом совсем не хватило времени подумать над тем, что он списал. Все это нас так затрудняет, что мы решаем, в конце концов, перестать думать об этом и продолжаем читать его книгу. Чем дальше мы ее читаем, тем более убеждаемся, что автор ее, написав 52 страницу, сейчас же, немедленно забыл, что именно он на ней написал и, в таком полном забвении им же самим ранее написанного, продолжал писать всю книгу до конца:

...„психические взаимодействия самого разнообразного свойства у человеческого общества неизмеримо богаче, чем даже у стада высших обезьян“ (стр. 97) ...„люди—это не просто физические тела: они думают, чувствуют, желают, ставят себе цели и постоянно обмениваются своими мыслями и желаниями. Отношение между людьми это *не только* (курсив Н. Б.) материально-трудовые отношения; это и отношения психические, „духовные“ и т. д. (стр. 147).

В Париже, в Сорбонне много лет вместе с М. М. Ковалевским читал лекции по социологии, считавшийся в высшей степени „революционным“ ученик буржуазного социолога О. Конта и друг другого буржуазного социолога Литтре знаменитый основатель „нео-позитивизма“ Е. Де-Роберти. В своей знаменитой книге, носящей в высшей степени решительное название: „Новая постановка основных вопросов социологии“ (перевод с французского. Москва, 1909 г.) этот архи-буржуазный социолог, которому воскуривал торжественные фимиамы такой „тоже марксист“, как покойный Туган-Барановский, развивал свою основную теорию „социального интерпсихофизцизма“ или „социальной зачаточной междудуховности“ (!!!). Книжку Де-Роберти стоило бы у нас еще раз издать для того, чтобы передовые революционные рабочие научились по ней весело хохотать над глупостью на-

пыщенно важных социологических и психологических авторитетов буржуазного мира. В Западной Европе, да и у нас в России, десятки различных направлений „социологической мысли“ благоговейно ползали на брюхе перед авторитетной мудростью этого жалкого кретина. Великая мировая знаменитость Е. Де-Роберти заставляет вспомнить гениальные слова Маркса, сказанные им о Дж. Ст. Милле: „На плоской равнине всякая кочка кажется холмом; плоскость современной буржуазной мысли лучше всего измеряется калибром ее „великих мыслителей“ (К. Маркс. Капитал. Москва, 1920 г. Стр. 520).

Но теория Е. Де-Роберти о „социальном интерпсихофизицизме“ или „социальной зачаточной междуховности“ интересует нас еще с другой стороны. Нас интересует вопрос: в чем разница между этой теорией „интерпсихофизицизма“ или „зачаточной междуховности“ и только что процитированными нами местами из „Теории исторического материализма“ (см. „материализма“!!! Э. Е.) Н. Бухарина о „психическом взаимодействии самого разнообразного свойства у человеческого общества“?

Вопрос о роли т. Н. Бухарина в марксистской философской теоретике мы для себя можем считать совершенно поконченным.

Мы пробуем думать: ведь есть же „несогласные“ с тов. Бухариным, есть же среди нас и „критики“ т. Н. Бухарина. Но всякий раз, как только мы пробуем присмотреться к такому „критику“, мы обнаруживаем в нем точь в точь такого же путаника в вопросе о материальном и духовном. Мы при этом все больше и больше убеждаемся, насколько глубоко проникла эта болезнь в недра марксистской теории.

Возьмем для примера т. В. Сарабьянова: он давно известен у нас, как, так сказать, обязательный теоретический оппонент т. Н. Бухарина; и революционные рабочие могут подумать, что истинный „критик“ у них есть: их не введут в заблуждение ошибки т. Н. Бухарина. Но напрасно. Мы не будем цитировать слишком для этого большую статью т. Сарабьянова, напечатанную в журнале „Под знаменем марксизма“ (№ 3, Москва, Март 1922 г.), статью, полностью посвященную критике уже цитировавшейся нами книги т. Бухарина „Теория исторического материализма“. При той под-

готовке, которую уже имеет Читатель, достаточно заметить, что в этой статье т. Сарабьянов, по вопросу о материальном и духовном, громит т. Бухарина и тут же сам целиком, без единого остатка, повторяет всю путаницу т. Бухарина. Через несколько месяцев после этой статьи вышла в свет, предназначенная специально для революционных рабочих, специально для этой цели особенно популярно написанная книга т. Сарабьянова: „Исторический материализм. Популярные очерки“ (2-ое издание. Москва, 1922 г.). Мы раскрываем эту книгу и читаем:

„Общество, в различных своих состояниях, имеет еще психические переживания и систематизированную психику, носящую название идеологий. Ни психику, ни идеологию мы не можем назвать материей, так как ни мысли, ни идеи мы не можем ни слышать, ни видеть, ни обонять, ни осязать, ни узнавать на вкус; они суть духовные продукты материального „тела“. Мы слышим не идеи, а значки, именуемые буквами, знаками препинания и т. д.“ (стр. 37).

„Общественное сознание через волю общества изменяет общественное тело только в пределах наличного, данного качества, ибо качество общественного сознания всегда соответствует качеству бытия (тела). Если качество общественного сознания изменилось, то...“ и т. д. (стр. 111).

Этому (т. е. общественному Э. Е.) телу соответствуют определенные формы общественного сознания, т. е. „душа“ общества, иными словами психика и идеология общества“ (стр. 119).

И т. д. и т. д.—вся книга с начала до конца.

Как могло случиться, что т.т. Н. Бухарин и В. Сарабьянов, известные как люди хорошо знакомые с революционной теорией величайшего ненавистника и разоблачителя всякого эксплуататорского обмана Карла Маркса, могли, повидимому без оглядки на Маркса, писать такую явно эксплуататорскую путаницу? Однако, нам следует тут же установить, что вопрос, поставленный в такой форме, только ввел бы Читателя в глубочайшее заблуждение: при такой формулировке вопроса, Читатель может подумать, будто существуют или существовали другие знатоки теории Маркса, вроде г. Плеханова или его сотен учеников, которые, не в пример т.т. Бухарину и Сарабьянову, по основным вопросам фило-

софии—по вопросам о материальном и духовном, о материализме, идеализме, психологии и проч.,— писали что-нибудь другое, кроме такой же или подобной эксплуататорской путаницы. Поэтому, чтобы не вводить Читателя в такое заблуждение, нам следует с самого же начала формулировать этот вопрос несколько иначе: как могло случиться, что сотни людей, искренне уверенные в том, что они являются учениками великого Маркса, всякий раз, когда они пробовали писать по основным вопросам философии—о материальном, духовном и проч.—неизбежно попадали в испытанной крепости сети, расставленные эксплуататорскими агентами, и потом, не умея выпутаться из этих сетей, бывали принуждены, под именем марксистской „философской“ теории, преподнести алчущим умственного света борцам явно эксплуататорскую отраву? Как могло это случиться?

Всю вторую часть I-го тома нашей работы мы как раз посвящаем обстоятельному ответу на это вопрос. Мы обстоятельно выясняем там, насколько марксизм является, на самом деле, бесконечно более грандиозным событием в истории человечества, чем это в силах, чем это в состоянии теперь установить самая доброжелательная, но крайне ограниченная в средствах исторического анализа, ученическая философская критика, рассматривающая марксизм, как некое философское мировоззрение, именуемое „диалектическим материализмом“. Мы выясним там, что, вне перспектив теории новой биологии, т. е. вне перспектив единой системы органических движений, возможно было лишь в высшей степени неполное понимание огромной революционной сущности и огромной революционной исторической роли учения Карла Маркса. Именно в связи с этим нам приходится там же, в нескольких специальных главах, заняться обстоятельным выяснением того, в чем именно заключалась революционная роль,—в истории развития революционного учения Карла Маркса,—всей той литературы, которая об'единяется теперь под одним именем „марксистской философской теоретической литературы“, и которая принадлежит перу не самого Маркса, а перу его сторонников и учеников, начиная от Ф. Энгельса и Г. Плеханова и кончая Н. Бухариным или кем-нибудь еще. Вместе с тем нам приходится в этих специальных главах до крайности детализировать этот вопрос: из всей группы основных

вопросов, которым посвящена марксистская философская литература, мы выделяем там один вопрос, фигурирование которого в марксистской философской литературе сыграло и абсолютно и относительно *огромную революционную роль в истории развития марксистской теории*: мы имеем ввиду популяризацию марксистской философской литературой основных теоретических элементов гегелевской диалектической логики. Наоборот: трактовка других основных вопросов философии, как мы устанавливаем это в этих специальных главах 2-й части I-го тома, сыграла абсолютно реакционную роль в развитии марксистской теории; только отдельные, привходящие моменты в истории развития марксистской философской литературы,—как, например, полемические успехи в схватках с буржуазной философской агентурой, а, главное, попутная смелая пропаганда среди рабочих критического отношения к буржуазным философским авторитетам,—придали этой литературе также и относительно революционное значение. Такой двойственный характер исторической роли даже лучших работ по марксистской философской теории мы уже подчеркивали выше, когда говорили о большом, для своего времени, революционном значении философских сочинений Г. Плеханова. Само собой разумеется, что то же самое относится к лучшим работам лучших учеников Плеханова, в частности и к цитировавшимся выше философским писаниям о материальном и духовном, например, т. Н. Бухарина. Однако, по мере распространения среди русских передовых рабочих разоблачений теории новой биологии о „невозможности существования слов о непространственных явлениях“ и т. д. и т. д., обычная для марксистской философской литературы, явно эксплуататорская трактовка вопросов о материальном и духовном, об идеализме, материализме, психологии и т. д.—потеряет и относительно революционное значение и начнет играть реакционную роль. Далее: по мере распространения среди передовых русских рабочих ясного понимания излагаемых в дальнейших главах утверждений теории новой биологии о массовом возврате, в эпоху диктатуры пролетариата, к единой системе органических движений и о поголовной массовой гибели логики, *в том числе и логики диалектической*, такой же переворот совершится и с до того революционной ролью фигурирования в марксистской

философской литературе элементов гегелевской диалектической логики; и эта особенность марксистской философской литературы тогда приобретет реакционный характер. Итак, выяснением всего этого мы подробно занимаемся во второй части I-го тома, после того, как целый ряд последующих глав значительно расширит наши теоретические воззрения на этот счет.

Но уже здесь, в 1-ой главе, мы делаем кое-что для освещения поставленного выше вопроса: о причинах торжества эксплуататорской точки зрения в трактовке марксистской литературой вопроса: о материальном и духовном. Для этого мы, несколько ниже, некоторое время демонстрируем перед читателем типичного ограниченного, всегда неизбежно вульгарного эксплуататорского „историка философии“, являвшегося истинным учителем упомянутых „сотен людей“ во всех тех случаях, когда они писали по перечисленным выше основным вопросам философии; мы выводим эксплуататорского „историка философии“ и заставляем его тут же перед Читателем, уже вооруженным самыми последними в тексте 1-ой главы результатами нашего анализа проблемы пространственного и непространственного,—плести обычную эксплуататорскую историко-философскую канитель о двух фигурах истории философии—о Демокрите и о Декарте. Давая возможность Читателю сопоставлять обычные избитости, обычные тривиальности нашего „историка философии“ с той всего только постановкой вопроса о Демокрите и Декарте, которая сама собой вытекает из нашего предыдущего анализа проблемы пространственного и непространственного и из попутного анализа роли термина (слова) „существование“, мы заставляем Читателя упражняться, тренироваться в умении самостоятельно—вдали от этой книги—применять уже полученные им результаты анализа проблемы пространственного и непространственного к одной только предварительной критике обычных эксплуататорских историко-философских фраз; еще при знакомстве с первыми страницами этой главы, на другом примере, можно было удостовериться, насколько важным для всего нашего дела считаем мы немедленную обильную и настойчивую тренировку Читателя в умении самостоятельно применять на опыте любой из текущих результатов нашего исследования.

О нашем подходе к Демокриту следует сделать следующую оговорку:

Мы уже упоминали выше, что во II-ом томе, в отдельной обстоятельной главе, мы подвергаем лингвистическому анализу, с точки зрения теории новой биологии, целый ряд слов, употребляющихся в дошедших до нас греческих фрагментах Демокрита, а также в ряде переводов этих фрагментов на европейские языки; мы упоминали, что при этом мы обнаруживаем в историко-философской литературе совершенно неизбежное для эксплуататорского периода торжество самого вульгарного извращения действительного смысла этих фрагментов. Вполне понятно, почему в подходе теории новой биологии к историко-философским проблемам такую большую роль начинает играть лингвистический анализ: он помогает раскрывать сложную историю происхождения тех трафаретных, избитых групп органических движений, тех трафаретных избитых цепей рефлексов, которые в литературном виде, под именем „историко-философских суждений“, фигурируют во всех вообще историко-философских сочинениях, в частности, в историко-философских сочинениях, предназначенных для просвещения пролетариев. Поэтому нас интересует отнюдь не только „логический смысл“ подлинных фрагментов Демокрита; *задачу раскрытия такового мы считали бы крайне ограниченной для марксистского сочинения*: нас интересует вся история, как оригинальных, так и, — *несколько не меньше*, — переводных текстов Демокрита, в той меняющейся роли, которую играли эти тексты в различные моменты тысячелетнего развития классовой борьбы.

Только недостаток места не позволяет нам заняться здесь же в 1-ой главе сравнением такого подхода к теме с методом критики Марксом в „Капитале“ фразеологических особенностей теоретических работ Адама Смита и Д. Рикардо. Здесь, в 1-ой главе, мы ограничиваемся исключительно одной только постановкой вопроса о Демокрите. Теоретическими средствами достаточными для *постановки вопроса* о Демокрите мы считаем: все ставшее нам известным из предыдущего изложения в проблеме пространственного и непространственного, и в частности, то, что стало нам известным о неприменимости слова „существование“ к непространственным явлениям. Приступая к теме, — к постановке вопроса о

Демокрите,—мы до II-го тома намеренно изолируем себя от исследований греческих фрагментов Демокрита: здесь, в I-ой главе, греческие фрагменты Демокрита нас, как вполне ясно из предыдущего, еще совершенно не интересуют; здесь, в I-ой главе, нас интересует исключительно современный, сегодняшний Демокрит, точно так же, как выше, в вопросе о материальном и духовном, нас интересовали современные, сегодняшние тексты из работ т.т. Бухарина и Сарабьянова. В особенности нас интересует тот самый Демокрит, с которым знакомится современный передовой революционный рабочий: поэтому мы раскрываем книжку Б. Горева „Материализм—философия пролетариата“ (Москва, 1920 год) и на 15-й странице читаем следующие строки *перевода* известного фрагмента Демокрита:

„Лишь *кажется* нам, что существует горечь и сладость, тепло и холод, различные цвета; но на самом деле существуют лишь атомы и пустота“. (Курсив Б. Горева).

Для „историка философии“ в обычном понимании такого перевода все ясно: Демокрит—„основатель материализма“; Демокрит, который считал материальные явления состоящими из атомов различных форм, утверждал, что душевные явления, т. е. мышление, ощущения, представления, чувства и проч. тоже состоят из атомов, но из атомов „круглых и гладких“, из „атомов души“; таким образом, Демокрит не „дуалист“, а „монист“: Демокрит *сводил* все душевные явления к материальным, к протяженным атомам.

Эксплоататорский „историк философии“, перед взором которого материальное и духовное тысячи лет находится,—как мы уже однажды выразились выше,—в „пестрой эксплуататорской смеси“ пространственного и непространственного, не видит никаких оснований беспокоиться по поводу своего понимания этой короткой выдержки из Демокрита, настолько такое понимание кажется ему „само собой разумеющимся“.

Однако для нас с Читателем здесь возникает проблема. После всего того, что нам пришлось узнать нового, бурно противоречащего всем обычным в философской литературе воззрениям на материальное и духовное, когда мы исследовали проблему пространственного и непространственного; после того, как, в частности, нам пришлось установить неприменимость слова „существование“ к непространственным

явлениям, одни только приведенные строки из этого перевода фрагмента Демокрита заставляют нас, в противоположность приведенному выше трафаретному пониманию этих строк „историком философии“, выдвинуть другую *постановку вопроса* об этих утверждениях Демокрита.

Легионы „мыслителей“ на протяжении тысячелетий писали толстые книги о „существующих“ „материальных“ и „душевных“ явлениях, как о явлениях пространственных, непространственных и смесях тех и других, применяя и для тех и других и для третьих каталоги слов, — в том числе и слово „существование“. На основании того нового, что мы узнали выше, мы с Читателем ставим вопрос: *может быть* Демокрит не употребляет для обозначения непространственных явлений ни одного слова, кроме слова „казание“? *Может быть* этим словом „казание“ он пытался выявить противоположность непространственных явлений „существующим“ пространственным: „существуют только атомы“. Если, при исследовании во II-ом томе, выяснится, что дело обстоит именно так, то с тем вместе сразу же окажется, что это сплошная неправда, будто Демокрит „объяснял“ непространственные, т. е. „душевные“ явления, как состоящие из „гладких и круглых“ атомов, „сводил“ их на материальные атомы; сразу же окажется, что эта история о таком мнимом „учении Демокрита“ с начала и до конца выдумана вульгарной эксплуататорской историей философии, и, следовательно, совершенно напрасно введенными ею в заблуждение авторами марксистских историко-философских работ, без критики, повторяется в популярных книгах, издаваемых для просвещения рабочих. Но продолжим формулировку возникающих у нас вопросов: не употребляет ли в таком случае Демокрит слова — „душа“, „мышление“, и т. д., как обозначающие исключительно пространственные, т. е. материальные явления, *без* непространственных явлений, *без* „казаний“? Не употребляет ли он эти слова, как обозначающие или движение частиц воздуха („душа“), или движение частей организма, т. е. физиологические реакции („мышление“), — причем и в том и в другом случае совершенно *без* „непространственных явлений“, *без* „казаний“? В таком случае окажется, что слова „мышление“, „душа“ и проч., обозначавшие у Демокрита только пространственные явления (движе-

ния частиц воздуха или физиологические реакции и проч.) противопоставались слову, обозначававшему непространственные явления—„казанию“.

Если все это окажется правдой, то вместе с тем возникнет еще вопрос: как следует относиться к истолкованию эксплуататорской историей философии учения Демокрита о „казании“? Возникнет вопрос: не правда ли, что эксплуататорская история философии, совершенно запутавшись в понимании недоступной для нее ясности Демокрита, принуждена была придумать для слов Демокрита „казание“, „мнение“ особое объяснение, особое истолкование? Не происходило ли дело так, что она принуждена была смешать это учение Демокрита о „казании“ („учение о казании“) с другим его побочным учением о „мысли темной“ и „мысли подлинной“? Не происходило ли, при этом, дело так, что она принуждена была, в свою очередь, и это учение о „мысли темной“ и „мысли подлинной“ передавать по-своему,—как разновидность обычного „психологического“ учения о „заблуждениях“, об „ошибочном восприятии“, об „ошибочном впечатлении“, об „ошибочных суждениях“, об „ошибочном познании“, и т. д.—т. е. как учение, в котором пространственные и непространственные явления фигурировали в обычном смешанно-спутанном виде? В этом случае, в результате должно было получиться, что не непространственные явления, о которых „историк философии“ мало что знает, а именно все эти перечисленные эксплуататорские продукты смешения кой-каких физиологических реакций с непространственными явлениями, т. е. все эти смеси того и другого, Демокрит (повидимому „для краткости“) называл „казанием“ или „мнением“.

После того, как Читатель успел усвоить результаты предыдущего исследования проблемы пространственного и непространственного и частное утверждение о невозможности применения к непространственным явлениям слова „существование“, буквально первые же шаги, которые он делает в самостоятельном исследовании о Демокрите или о ком-нибудь другом, неизбежно сейчас же приведут его к оценке на практике отмеченной Марксом поразительной ограниченности буржуазного „мыслителя“, к оценке на практике полной неспособности, в частности, эксплуататорского „исто-

рика философии“ видеть хоть что-нибудь, помимо вульгарной „поверхности явлений“, проникать хоть сколько-нибудь глубже „внешней видимости“. „Историку философии“ нет никакого дела до всего этого. Он лучше до неузнаваемости извратит Демокрита и точно так же до полной неузнаваемости извратит кого угодно, чем попытается исследовать что-нибудь вне своих эксплуататорских миражей. Он может досидеться в библиотеках до самой большой лысины, но понять хоть что-нибудь из Демокрита или кого угодно, вне эксплуататорского миража своих безнадежно путанных эксплуататорских понятий о материальном и духовном, о материализме, идеализме и психологии, о „существующем“, о „существовании“ и т. д.; суметь хотя бы один раз сколько-нибудь ясно разобраться в том, о чем он говорит,—он не в силах. Вообще он производит такое впечатление, что думать о чем-нибудь не в его привычках. Он пишет со слепу, восприняв по наследству жреческий обман о материализме, идеализме и проч и проч. Если б кому-нибудь каким-нибудь чудом удалось убедить его в необходимости поглубже подумать над тем, о чем он пишет, он привел бы нашего „историка философии“ в мрачное настроение: этим была бы выражена угроза дорогим ему привычкам к пошлой поверхностной болтовне о чем угодно.

Если он читает Рене Декарта, если он прочитывает эти знаменитые места из ранних сочинений Декарта: „Я мыслю, следовательно, я существую“ или „Только я один существую“ („Cogito, ergo sum“—„Solus ipse sum“), он немедленно начинает выть в смешном мелодраматическом волнении о трагедии одиночества Декарта, о трагедии его „солипсизма“ или о том, что Декарт—вождь новейшего идеализма, или, наоборот, о том, что Декарт—вождь новейшего материализма. Он, скрипя пером, старательно пишет какой-нибудь толстый том о Декарте,—вроде того, как это делает некий Куно Фишер,—и не умеет при этом хоть что-нибудь понять в истинной трагедии Декарта.

Он слышит слова—„Я мыслю, следовательно я существую“.—Он видит эти значки, которыми изображены эти слова в книге, и, когда он начинает выть по этому поводу о „солипсизме“, ему нет ровно никакого дела до того, что именно для Декарта значили эти слова: „мыслить“, „я“, „существовать“.

Ему нет дела до того, что слово „мышление“ Декарт употребляет в смысле как раз точно диаметрально противоположном тому смыслу, в каком это же самое слово, как мы это выше попробовали допустить, употреблял Демокрит; ему нет дела до того, что, так как Декарт употреблял это слово для обозначения одних только непространственных явлений, совершенно *без* пространственных явлений, то, следовательно, уже одно то, что Декарт тут же присовокуплял к слову, обозначавшему у него непространственные явления, слово „*существовать*“—показывает, что он, буквально с первых же шагов, запутался в сетях эксплуататорского обмана. Он не видит, он не замечает, как этот гениальный смельчак молодой и отважной тогда буржуазии, разворошив старые груды эксплуататорского обмана, с первых же шагов вперед сам задохнулся в этом обмане; по справедливости превознеся до небес свой „метод сомнения“ в понятиях прошлого (в понятиях эксплуататорского прошлого), Декарт, впервые за много столетий, выдвинул вперед, на первый план, проблему пространственного и непространственного в своей знаменитой, но не точной формулировке: „мышление и протяженность“; но Декарт не пошел дальше этой неточной, *прилирияющей* с классовым обществом формулировки: ему ни разу не удалось понять, что 1) по поводу „непротяженного“ невозможно существование слов; и что 2) „непротяженное“ ни в ком не может вызывать интереса („реакции“ интереса) к себе. Эти открытия суждены другому классу, которому незачем останавливаться перед разоблачением перед всем миром всего философского эксплуататорского обмана и которому незачем останавливаться перед решительным, полным уничтожением этого обмана во всем мире.

Следующая цитата из Декарта ярко характеризует и всю революционность и всю эксплуататорскую ограниченность этого буржуазного передовика: „Но я знаю только два высших рода вещей: один род вещей интеллектуальных или мысленных, т. е. относящихся к духу или мыслящей субстанции; другой род вещей материальных, т. е. относящихся к протяженной субстанции или телу. Восприятие, желание, и все виды как восприятий, так и желаний, относятся к мыслящей субстанции; к протяженной же относится величина, т. е. само протяжение в длину, ширину и глубину, фигура, движение, положение, де-

лимость самих частей и прочее“. (Рене Декарт. „Основные начала“ § 48). Как ясно увидит Читатель из этой цитаты, Декарту еще ничего неизвестно о том, что о непространственных явлениях невозможно существование слов: но разве в этом видит особенность Декарта „историк философии“, без умолку и без толку болтающий о его „материализме“ или „идеализме“ или о его „солипсизме“?

Ограниченный, вульгарный эксплуататорский „историк философии“ конечно совершенно не в силах, отвлекшись от своих путаных эксплуататорских понятий о материальном и духовном, о материализме, идеализме и психологии, о „существовании“ и проч. и проч., понять хоть чтонибудь по-настоящему в том, что он пробует изучить; он не в силах понять, что именно случилось, что именно произошло с организмом Декарта, почему этот организм написал такие-то книги, наполненные такими-то словами. Ограниченный, всегда неизбежно вульгарный, эксплуататорский „историк философии“ сам при этом видит втихомолку, что он ничего по-настоящему не понимает в том, о чем пишет, — и он жадно ищет глазами кого-нибудь, кто поможет ему в его затруднении: и в тысячелетнем торгашеском мире буржуазного рынка он быстро находит того, кого ищет: буржуазный философский „критик“ спешит ему на помощь; этот „критик“, обращаясь к рыночной толпе городских мещан, сообщает ей, что, хотя он кое с чем и „не согласен“ с критикуемым им „историком философии“, но находит, что его книга полна „поразительно глубоких мест“; этот „критик“, который потом поделится пополам с критикуемым им „историком философии“ сообщая полученной ими на рынке славой, делает перед публикой в высшей степени таинственные экивоки в сторону „глуби вещей“, в которую—пусть поймут слушатели—проникли он вместе с автором; а одураченная этими рыночными шутами буржуазная толпа преклоняет головы перед их авторитетной мудростью: эта толпа хорошо помнит, что жрецы всегда охраняли ее эксплуататорский „порядок“, ее эксплуататорское „благополучие“. Таковы философские нравы буржуазного мира.

Но когда, как это часто бывает, какой-нибудь путанный эксплуататорский „историк философии“ в высшей степени умело облачается в костюм „марксиста“, имеющего

своей исключительной специальностью „вопросы марксистской философской теоретики“ и, в практике своей профессорской жизни, стоящего далеко от текущих глубоко-революционных политико-экономических вопросов марксизма, положение дела становится еще более тяжелым: не пошлую буржуазную толпу, а аудиторию революционных рабочих имеет такой „историк“ перед собою: революционные рабочие ждут, что скажет об истории философии этот человек, клянувшийся святым для пролетарской революции именем великого ненавистника буржуазной лжи—Карла Маркса; и этот „историк“ не заставляет себя долго ждать. Какойнибудь А. Деборин, на протяжении нескольких сот страниц, разговаривает перед рабочими разные, с начала и до конца совершенно эксплуататорские разговоры о совершенно непонятых им эксплуататорских агентах: о Гоббсе, или Локке, или Беркли, или Юме, или Махе,—об их материализме, идеализме, психологизме, эмпиризме, феноменализме, сенсуализме, рационализме и т. д. и т. д. и т. д. А восхваляющий эту эксплуататорскую белиберду почтенный „критик“, очень похожий на того, которого мы только что, несколько выше, видели на буржуазном рынке, тоже „на лицо“: „Ряд интересных замечаний (см. !!! Э. Е.) о связи между французским материализмом и английской философией можно найти в книге тов. Деборина—„Введение в философию диалектического материализма“,—такой авторитетный отзыв т. Д. Рязанова об этой книге находим мы в его примечаниях к книге Г. Плеханова „Очерки по истории материализма“ (Москва, 1922 г. стр. 177).

Возможно, что много лет спустя, в „большом энциклопедическом словаре“ коммунистического человечества будет значиться: „Гомерический хохот,—это особый, очень веселый хохот, которым смеялись хором сначала русские рабочие, а потом рабочие всего мира, когда прозрев, наконец, от векового эксплуататорского философского обмана материального и духовного, материализма, идеализма, психологии и т. д., они собирались вместе и начинали, смеха ради, с самым серьезным видом читать вслух книги, в которых излагались теории разных де-Роберти или же книги, написанные разными Дебориными, т. е. начинали читать вслух, смеха ради, те самые книги, некоторые из которых до того по ошибке,

по непониманию, предназначались специально для обучения рабочих великому учению великого ненавистника эксплуататорского обмана Карла Маркса. Это происходило совсем незадолго перед тем, как, наконец, передовые революционные рабочие,—простые рабочие в блузах,—сначала России, а затем всего мира, вооруженные теорией новой биологии и ее разоблачениями, решительно двинулись на завоевание и уничтожение, считавшихся до того „священными“, таких специальных орудий эксплуататорского обмана, как кафедры по философии и психологии буржуазных или социалистических университетов и академий“.

Нужно полагать, что именно такие сообщения об истории начала гибели эксплуататорских изобретений „философии“ и „психологии“ будут фигурировать в „большом энциклопедическом словаре“ коммунистического будущего.

Но сейчас мы только на несколько коротких минут можем позволить себе отвлечься праздным раздумьем об этом далеком будущем. Сейчас, в действительной жизни, мы с Читателем видим всюду вокруг себя полное торжество эксплуататорского обмана в том изложении основных вопросов „философии“ о материальном и духовном, которое преподносится революционным рабочим. Сейчас мы с Читателем перечитываем снова и снова только что напечатанные в огромном количестве экземпляров и распространяемые,—подумать только, среди русских победоносных рабочих для их просвещения,—то старые эксплуататорские бредни одного из тысячи эксплуататорских агентов Е. де-Роберти о „социальном интерпсихофизицизме“, „социальной междудуховности“, о „психическом взаимодействии всякого рода в человеческом обществе“, то эксплуататорский обман об „идеализме“, о „материализме“, о „психологии“, или о „рационализме“, „эмпиризме“, „сенсуализме“ и т. д. и т. д. А каждый раз, разворачивая обложку такой книги, проповедующей все это рабочим, мы находим на заголовке то имя Н. Бухарина, то имя какого-нибудь особенного специалиста по вопросам философии марксизма, то имя еще какого-нибудь совершенно чрезвычайного автора, вроде Плеханова, считающегося в самой высокой степени авторитетным в вопросах философии марксизма. Видя это энергичное сплошное, сплоченное „наступле-

ние буржуазной идеологии“ на революцию. мы, не без нетерпения, готовы воскликнуть:

— Что такое!.. Как глубоко может волновать такое упорство реакционных предрассудков!..

„Я полностью разделяю ваше волнение“, перебивает нас Читатель: „Сейчас я впервые научаюсь смотреть совершенно по-новому на сотни вопросов, в которых раньше я совсем не видел поводов для бунта. Я хочу сказать вам, но так, чтоб вы отнюдь не подумали, что во мне вы имеете сторонника теории „междуховности“ или „интерпсихофизицизма“, что и я сам и много десятков моих близких друзей—передовых революционных рабочих—соъем вместе наши реакции волнения в дружной общей, совместной борьбе с разоблачаемыми теорией новой биологии действительно реакционными предрассудками в марксистской литературе и теоретике. Я знаю, что и в дальнейшем изложении вы продолжаете освещать совершенно по-новому целый ряд других основных вопросов марксизма, и я с взволнованным нетерпением жду выхода в свет этих дальнейших глав. Впереди борьба с людьми, которые не хотят идти вперед, хотя и не прочь, при случае, поговорить о том, что „было бы странно, если б марксистская теория вечно топталась на месте“. Вы, конечно, понимаете, что я ни одной секунды не сомневаюсь в полной неизбежности нашей победы (вы уж позвольте мне и моим друзьям, в вопросах борьбы с реакционными пережитками, говорить от общего лица всех нас, вместе с вами). Я отлично отдаю себе отчет в том, какую силу придаст нам ряд так обстоятельно доказанных вами действительно неслыханных утверждений, из которых такими яркими кажутся мне утверждения „о несуществовании слов об отдельных непространственных явлениях и о группах непространственных явлений“ и „о несуществовании и невозможности реакции интереса к непространственным явлениям“. Я заранее предвижу, как, вооруженные больше всего этими двумя новыми стальными орудиями анализа, мы легко будем разоблачать величайшую поверхностность тех, кто захочет пристегнуть эти наши воззрения к какой-нибудь „философской“ школе или даже безоглядно и поспешно объединить сторонников этих воззрений например с так называемыми „объективистами“, о которых, — например о Ф. Ле-Дантеке, я уверен, вы еще

будете говорить в дальнейшем. Я еще и потому с таким нетерпением жду дальнейших глав, что, судя по несколько раз повторенному вами предупреждению о дальнейшем освещении вами „эксплуататорского происхождения“ этих реакционных пережитков, вы в дальнейшем раскрываете классовые корни ваших разоблачений. Вообще, все особенности вашего мировоззрения“....

— У нас больше нет никакого „мировоззрения“...—перебиваем мы Читателя. „Мировоззрение“—это эксплуататорская выдумка; с наступлением эпохи пролетарской диктатуры мы против „мировоззрения“. Мы за пролетарскую и грядущую коммунистическую „единую систему органических движений“.

„Я еще не совсем хорошо усвоил, что вы понимаете под „единой системой органических движений“; признаюсь, больше всего последующие главы интересуют меня именно потому, что вы обещали в них подробно говорить о „единой системе органических движений“: я очень хорошо помню, что вы связываете ее массовое торжество с периодом пролетарской диктатуры, с гибелью, как вы это обещаете доказать, эксплуататорских высших „вечных“ ценностей—„разума“, „познания“, „логики“—идеологий вообще. Я вижу, что вообще, все особенности вашей теоретической позиции таковы, что людям, занимающим эту позицию, некоторое время будет невозможно жить в мире ни с кем из знаменитых авторитетных в теории людей. И я знаю, что это будет продолжаться так долго, пока вы не завоюете совершенно ясное понимание вашей позиции среди всех нас, простых революционных рабочих из пролетарского авангарда...

Не находите ли вы, что я правильно различаю этот по моему единственный путь к победе ваших воззрений над эксплуататорским обманом?“.

— Ну, конечно! Мы думаем именно так. Мы полностью согласны в этом с нашим Читателем.

Москва, 12.XI--2.XII. 1922 г.

В некоторых экземплярах остались неисправленными следующие опечатки:

<i>Страница:</i>	<i>Строка:</i>	<i>Напечатано:</i>	<i>Следует:</i>
1	8-я снизу	нам тем	над тем
5	3-я сверху	непространственные	пространственные
11	8-я снизу	„внутри видимое“,	„внутри видимое“:
26	3-я снизу	ни коем	ни в коем
27	8-я снизу	безпокойство	беспокойство
28	14-я снизу	неудовлетворнния	неудовлетворения
39	5-я сверху	„слово и	„слово“ и
45	19-я сверху	Маркса:	Маркса;
69	17-я сверху	это вопрос	этот вопрос

Цена **75** коп. зол.

Никем из книгопродавцев цена
не может быть повышена.

Склад издания.

В Петербурге. В. О., 10 линия 33—35, изд. „Вулкан“.
В Москве. Арбат. 30, кв. 48.

Продажа книги.

В Петербурге. Кн. маг. „Прибой“, Прсп. 25 Октября 58.
В Москве. Кн. маг. „Моск. Рабочий“, Б. Дмитр. 15-а.